

ПАРИЖАНИ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Андрей ДЕТКИН

Андрей Деткин

Паргелий

«Автор»

2020

Деткин А.

Паргелий / А. Деткин — «Автор», 2020

Что бы было, если бы Гриф не встретил Алексея? Как сложились бы их судьбы? Смог бы Ява протянуть без грамотного поводыря? И Гриф? Кем он будет без Явы? Чем все закончится? И чем все окажется на самом деле? Неизвестно? Но ясно одно - Зона не меняется. Все такая же унылая, загадочная, опасная, жестокая, кровожадная и иногда милостивая.

© Деткин А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Жорик	5
Глава 2. Гнилой хабар	9
Глава 3. Долг платежом	13
Глава 4. Засада	16
Глава 5. На базе	19
Глава 6. Болотный доктор	23
Глава 7. Побег, которого не случилось	25
Глава 8. Болото	30
Глава 9. Отряд мельчает	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Деткин

Паргелий

Глава 1. Жорик

– Шевели поршнями, гнида, – худощавый лопоухий парень в капюшоне, со старательно деланными под Дизеля интонациями, с кривой усмешкой на бледных губах ткнул калашом в спину беглого. Быстро стрельнул взглядом из-под вязаной шапочки по угрюмым лицам «гончих». «Заценили?».

Человек в камуфляжных штанах, длинной зеленой армейской куртке, в берцах, со связанными за спиной руками споткнулся, замельтешил ногами. Длинный его чуб сполз на глаза. Идущий рядом здоровяк в разгрузке и надвинутой на глаза кепи поймал пленника за шиворот.

– Остынь, Жорик, ты нас только задерживаешь. – Рывком вернул чубатому равновесие. – Или ты хочешь вместо мяса с Пирцентом покалякать? Ты давай не усердствуй со связанным, прояви себя лучше-ка в перестрелке с долговцами. Усек?

– Усек, – промямлил Жорик, а через мгновение вскинулся: – но Качака, эта падла предала нас. Валить надо его. Я просто терпеть не могу таких.

– Потерпи уж, – усмехнулся старпом, помедлил, а потом сказал: – а если не можешь, то вали. – Он быстро извлек из кобуры огромный пистолет, ловко крутанул его в руке и протянул Жорику рукояткой вперед: – Давай грохни его на хрен. Все рожи только этого и жаждут.

Жорик оглядел рожи, устремившие на него с затаенной надеждой и предвкушением взгляды.

– Че это я? – дал заднюю Жорик.

– Пахло же предал нас. А ты, крюк мне в трещину, никак такого дерьма терпеть не можешь. – Качака дернул рукой с пистолетом, призывая, наконец, приступить к делу. – Вот я и предлагаю тебе отвести душу, заодно рожи порадовать. Да, рожи? – с высоты своего двухметрового роста верзила покровительственным взглядом обвел кивающую и лыбящуюся стаю.

– Да. Грохни его.

– Конечно, жаждем. А как же.

– Давай, Жорик, мочкани предателя. Будет знать, как от нас в следующий раз бегать.

– А-а-а... А с Пирцентом кто будет потом калякать? – уставился на Качаку Жорик. – Ты, что ли?

Все заржали, кроме Пахло и, собственно, Жорика. Он часто моргал и обводил взглядом гогочущих грачей, с которыми два дня к ряду выслеживал и отлавливал «дизера».

– Все с тобой ясно, неукротимая ярость, блин, – с остатками улыбки на грубой физиономии Качака убрал хайпауэр в кобуру. – Баста, мясо, представление закончилось, – быстро серьезнел старпом. – Надо успеть до обеда, а то лапу сосать будем.

Стены из железных секций, вышки над ними, выглядывающий купол базы посреди сухого кочковатого поля выглядели, рыцарским лагерем в Средневековье. Научная база «Салют» с мозговым центром в количестве двух деятелей, несмотря на смену власти, продолжала функционировать по своему основному профилю. Исследовательская работа велась, снабжение поступало исправно, спокойствие и безопасность обеспечивались.

Качака громко стукнул тяжелым берцем по железной двери, рождая металлический дребезг. Над воротами с вышки высунулась голова в капюшоне.

– Открывай! – гаркнул старпом и взялся за рукоятку. Послышался щелчок электромагнитного замка. Качака толкнул дверь. Стоящие на углу исследовательского корпуса два «грача» тут же выронили тлеющие сигареты и с невозмутимыми лицами уставились на хмурого держиморду.

– В наряд на сральню, – буркнул Качака, зло перекатывая желваками. Парочка не возражала, подобострастно стеклянными глазами провожала старпома в головное здание. Стоило захлопнуться двери, как они тут же похватили драгоценные тлеющие окурки и продолжили прерванный разговор, повернувшись спинами к неаккуратной надписи белой краски на железной стене: «ЗДЕСЬ курить запрещено!!! (стрелка указывает вниз) Курить можно в курилке!!! (длинная стрелка влево). Тупые рожи будут наказаны!!!!»

– Жорик, запри Пахло в холодной, – кинул один из «гончих», которые гуськом направились за старпомом.

– А че опять я? – пробовал возразить Жорик ломающимся голосом. Ему никто не ответил. Дверь за «грачами» захлопнулась.

– Давай, Пахло, пошли, – уныло проговорил Жорик, мотнул головой в сторону железной постройки, переделанной из инвентарной в карцер.

Проходя мимо курильщиков, Жорик остановился:

– Шифа, дай добыю, – протянул руку за бычком.

– Свои кури, – пренебрежительно ответил «грач», развернулся и с размаха пнул понурого Пахло в зад, – води давай дизера куда сказано.

От больного пинка Пахло выгнулся, обернулся и сквозь стиснутые зубы зашипел:

– Совсем, Шифа, прифигел?

– Чеши, бегляночка, в каталажечку, пока зубы целехоньки, – зло пропел Шифа, омерзительно задирая верхнюю губу.

Второй курильщик, кто-то из новеньких, зажал сигарету в зубах, быстро шагнул сбоку и сунул кулаком Пахло по скуле. Голова пленника мотнулась, длинный чуб упал на глаза.

– Ты чего? – Пахло вжал голову в плечи и опасно тарачился на нападающего. Из рассеченной скулы потекла багровая струйка.

– Ниче, а ты че? – осклабился рябой парень, оголяя желтые зубы.

– Харе! Харе! – громко сказал Жорик, торопливо вклиниваясь между бузилами, – мне за него Пирцент голову оторвет. А ты, Пахло, иди давай, – он развернул и толкнул пленника в спину.

– Вот чего ты задираешься? – корил он мужика с поникшей чубатой головой и бритым затылком, плетущегося по вытоптанной земле к карцеру. – Теперь у тебя это... кровь течет, – Жорик досадливо мотнул головой. – Я тебе потом зеленку принесу.

– Жрать лучше принеси, – не оборачиваясь, буркнул Пахло.

Жорик запер беглеца и зашагал к главному корпусу. Курильщиков уже не было. Он огляделся, убедился, что на площадке один, достал из внутреннего кармана мятую пачку «Тройки», быстро выбил сигарету, пачку убрал на место. Еще раз воровато осмотрелся, после чего прикурил.

Дверь резко распахнулась, Жорик вздрогнул, испуганно убрал сигарету за спину, вытянулся в струнку. Из корпуса под дулом автомата вывели старика, того самого, которого три дня назад привела группа Пендоса. Как раз в тот день Жорик с прочими «гончими» собирались в погоню.

Не заметив начальства, он облегченно выдохнул дымом, отошел за угол и из-за него рассматривал пленника, время от времени затягиваясь сигаретой, спрятанной в кулак.

Низкого роста, неряшливый, одетый в тряпье дед вызывал сочувствие и неприязнь одновременно, как облезлый больной пес. Он смотрел глубоко утопленными в глазницах глазами с высосанными склеротическими белками безразлично и отстраненно. В то же время от него

исходили энергетика и опасность, словно от дремлющей аномалии. Хотелось держаться от него подальше. Тот, второй, с которым его взяли, хотя и был зомбьяком, но выглядел куда свежее. Он был абсолютно безвредным, послушно, как телок, шел на веревке за Карасиком. Со слов Вени, их заметили возле танка, затем «пасли» до норы, собранной из кучи веток и бревен, где и взяли. Старик что-то пытался сделать. Как будто током шарахнул Чирика, но после того, как Стас навел ствол на зомбьяка, старик заголосил и перестал сопротивляться. Веня с похабной ухмылочкой говорил, что у старика с этим «безобидным» типа любовь была, подмигивал и раскрытой ладонью постукивал по кулаку, вызывая тем самым шлепающий звук.

Жорику так совсем не казалось. Жизнь в старике едва теплится. Его даже допрашивать с пристрастием не стали, побоялись, что не выдержит. Пирцент три дня искал подходы, все старался уговорить старика повторить подвиг, подойти к «гребаному танку» и зацепить его.

Из разговоров и сплетней, кочующим по базе, Жорик понял, что старик не хотел этого делать по каким-то своим соображениям. То ли этот танк память о погибших коллегах, то ли он там на кого-то охотился, то ли сухпаи прятал...

Из-за угла основного корпуса послышался свистящий турбинный рев мотора. Через некоторое время к группе подкатил и остановился БТР. Открылся боковой люк. В него затолкали старика, залезли остальные. Окутывая базу сизым выхлопом, БТР выехал за ворота.

– Куда деда повезли? – спросил Жорик у конвоира в телогрейке с намалеванной шариковой ручкой на левом рукаве группой крови. Тот закинул «гадюку» за спину, подошел, встал рядом, сунул руку в карман широких шаровар, нащупал пачку. Но после слов Жорика остановился.

– Цибарку дай – скажу. – «Грач» деревенского вида, еще не успевший заработать на сносную снарягу, с плохо скрываемой мужицкой «смекалкой», хитро шурился на Жорика.

Жорик смотрел на незатейливого мужика и вспоминал его погоняло. Личный состав базы испытывал сильную текучку, и он не успевал запоминать новеньких, как те куда-то исчезали, а на их месте появлялись другие.

Жорик подумал, так ли ему необходимо знать, куда повезли деда. Так и не вспомнив кличку конвоира, он быстро стрельнул взглядом по сторонам, достал из нагрудного кармана «Тройку», угостил мужика.

– Ну... так че?

– А че говорить, – мужик сквозь прищур хлебороба смотрел куда-то за забор, попыхивал дареным табачком, – Пирцент Коляну руку отрубил к чертям собачьим, старикан и согласился.

– Какому Коляну? Со рваным ухом который? – у Жорика вытянулось лицо.

– Да не, ты че! – конвоир повернул на Жорика рожу с подтарельник, с видом, словно у него угнали комбайн. – Коленьке этому, которого со старикашкой привели. Пирцент на глазах у него зомбьяку руку по локоть оттяпал. Сказал, мол, будешь упрямитесь, вторую рубану по шее. Дед и сдулся. Теперя поехали до танка. Все шишбаны гуртом.

– Пирцент, ну... тоже поехал?

– Тоже. И Седой с ними. Всей коблой на «таблетке» чутка раньше укатили. Тока Кач остался. Не знаю, сможет дед зацепить троса? Не знаю! Он на ногах еле держится. А вы где Пахло поймали? – перешел к другой теме мужик.

– Около Янтая. И че? Коленька этот ну... живой еще? – забирал плату Жорик.

– Живой. Его ботаны перевязали и спать уклали, – мужик закашлялся смешком. Жорик поддержал его кривой усмешкой, не понимая, что здесь веселого. Дальше разговор не клеился. Отмучившись еще две затяжки, Жорик бросил окурочку в бочку и шагнул к двери в корпус.

Под ногами громыхал железный пол, словно идешь по понтонам, слева, справа проплывали металлические стены, выкрашенные в зеленый цвет, под низким железным потолком горели люминесцентные светильники. За их частичную неисправность в количестве двух мер-

цающих ламп на прошлой неделе Калина с Толяном получили выговор от Пирцента. Один до сих пор хромает и охает, второй с перебинтованной головой ходит молчаливый.

Лабораторный корпус ассоциировался у Жорика с кораблем. Хотя на таковом бывать не приходилось, но именно так представлялась ему палуба. Иногда даже казалось, что пол под ногами раскачивается. Особенно воспалял воображение гул железного пола под кабелями. Бум, бум, бум.

Жорик зашел в «столовку». Небольшое тесное помещение с тремя вечно грязными и в крошках столами пустовало. В углу на тумбе громоздилась гора грязных подносов, рядом на полу стоял пластиковый ящик с пластиковыми бутылками питьевой воды. «Где все?». За торцевой стеной с неаккуратно прорезанным газовым резаком окном погромыхивало и звякало. С робкой надеждой Жорик подошел к раздаче, сдвинул железную заслонку, сунулся в проем.

– Але! Есть кто?

– Достали! – послышалось цедящее шипение откуда-то сбоку. Жорик едва успел выдержать голову из окна. Со скрежетом перед самым носом пронеслась заслонка и с лязгом ударилась в раму.

– Вашу мать! – заорал Жорик. – Пожрать дайте! Я с Качакой пришел!

– На вас не считали! – послышался из-за стены визгливый голос Черпака. – Иди к Сивому за сухпаем. Седня без супчика перебеешься.

– Падла, – пробормотал Жорик, – по-нормальному сказать не можешь, – развернулся и зашагал на склад.

Вся «гончая» команда, кроме Качаки и Жорика, в количестве трех «грачей» стояла в коридоре у закрытого окна выдачи и ждала Сивого. Лица их были угрюмые, злые. Жорик свернул в боковое ответвление, решив вдруг зайти в клозет и помыть руки.

Он стоял перед забрызганным, в разводах зеркалом в густом амбре из смеси хлорки с дерьмом и рассматривал свою небритую худую физиономию. Он уже вторую неделю пытался отрастить бородку «подковкой», но гадкий пушок никак не собирался матереть под тусклым черныбыльским солнцем.

Жорик повернулся левой стороной к зеркалу, сдвинул челюсть, натягивая кожу щеки.

За спиной громко лязгнула щеколда, распахнулась дверь кабинки. Она с дребезгом ударилась о железную стенку, заплескала дрожью, возвращаясь обратно. Волосатая лапища остановила ее, отодвинула, из кабинки вышел уйбуй Гомес. Косо поглядывая на склонившегося к зеркалу Жорика, подошел к раковине. Продолжая пялиться на парня, как слепой, искал в воздухе бабочку крана.

Стараясь не выказать поспешности, Жорик помочил руки под краном, быстро встряхнул и, оставляя капли на грязном железном полу, зашагал к выходу.

– Куда торопишься, цыпа? – поинтересовался Гомес прокурренным басом.

Последние два метра до двери Жорик преодолел уже бегом. Выскочил в коридор, остановился, быстро осмотрелся, никого не заметив, непринужденной походкой направился к складу.

Глава 2. Гнилой хабар

Бровь под уплотнителем вспотела. В оптический прицел Гриф высматривал уцелевших. Указательный палец лежал на спусковом крючке. Черный дым от горевшей крыши бэтээра временами прибивался ветром к земле и закрывал картину. Гриф насчитал три трупа в сталкерском разномастье и шестерых в армейке. Наверняка еще несколько найдется в подбитом транспорте и в расстрелянном ЗИЛе.

Сталкер заметил движение, облизал губы. Кислый с Гариком сбежали с пригорка. Пригибаясь, держа автоматы в боевом положении, они торопились к грузовику. Скорее всего, именно в нем конвой перевозил груз с научной базы «Сириус» на погрузочную станцию в Татищево.

Почти четыре недели Гриф не выпускал из поля зрения Гарика. Он уже начал думать, что Гейгер слил неверную информацию. Но не сомневался в другом – Кислый обязательно возьмет братца на дело. На все серьезные вылазки осторожный сталкер неизменно тащил с собой человека, которому полностью доверял и который был на все готов.

За Кислым следить было весьма проблематично, более того, не безопасно. А вот его запойный родственник очень даже подходил для этой цели. Благо, что Гарик выбирался за территорию базы редко и недалеко, а после каждой вылазки погружался в безвременное пьянство, тратя заработанные тугрики.

Каждый раз, когда забулдыга вместо «гамофоса» заказывал к завтраку чай, коротающий время за столиком в углу незаметный Гриф подбирался и начинал надеяться. Время шло, а Гарик все ходил не туда. То на свалку с Веником к ренегатам за каким-то чертом, то на Агропром вздумает, то на болота за мелочевкой.

Терпение и надежду укрепляло то обстоятельство, что острая нужда в финансах временно была отодвинута небольшим кредитом Гейгера. Он одолжил часть суммы, которую в «записочке» указала Красневская. И как будто аванс устроил клинику.

Два дня назад Гарик прекратил запой. Небритая, отекая рожа, покрасневшие белки, хриплый трескучий голос выдавали в рослом, плечистом мужике еще не совсем спившегося, но уже алкоголика, которого оседлала и держит в узде «беленькая». Гриф смотрел на его подрагивающие пальцы, когда тот рассчитывался с Перчем, и думал, что не он первый и не последний, кого губит бутылка.

Если не аномалии с мутантами прибирали сталкеров, не дотерпевших до безопасного угла и хлебнувших в рейде, так печень или язва доканывали позже. А кто умудрялся избежать и этой участи, тот опускался все ниже и ниже пока не ложился на дно. Пропивал снарягу, оружие и шлялся по Депо, клянча мелочевку, подсаживаясь за столики к бывшим приятелям. В конце концов, они надоедали всем, и Мага – блюститель порядка и прочего фэншуя в «Передозе», вышвыривал их за дверь и больше не пускал.

Они куда-то девались. Был человек, грязный, нечесаный, вечно пьяный, шатался по базе, как плешивый пес, подбирал бычки, валялся в придорожной пыли, а потом куда-то исчезал. Одно время Гриф пытался выяснить судьбу некогда удачливого Мазура. Спрашивал его корешей, у Гейгера интересовался. Все только пожимали плечами, а некоторые даже не замечали исчезновения. Перч высказал предположение, что они просто подыхали. Их подбирали и зарывали где-нибудь за базой, как подстреленных, случайно забредших мутантов.

Гарик допил чай, быстро взглянул на ПДА, наспех обтер рот, подхватил рюкзак с АКМ и заспешил на выход. Гриф вышел спустя несколько секунд. Подождал, пока тот отдалится метров на тридцать, и зашагал следом. Гарик привел его к «общаге», переоборудованной из здания администрации. Обшарпанное двухэтажное панельное здание времен СССР вытянутой коробкой со ржавой жестяной кровлей, с выгоревшим на солнце и облупившимся плакатом

«ГРУЗАМ СЕМИЛЕТКИ – БЕСПЕРЕБОЙНУЮ ПЕРЕВОЗКУ!» располагалось между путями и дорогой. Кусты сирени одичали и превратились в непроходимые заросли. Старые с обгорелыми, переломанными ветвями тополя коренились вдоль фасада. Бывший газон колосился бурьяном, в котором были протоптаны тропы к подъезду с замызанной перекошенной дверью.

Как только Гриф понял, куда направляется Гарик, сразу напрягся и сосредоточился. Сердце тревожно заколотилось. Он знал, что старший из братьев занимает на втором этаже комнату под номером 21. Гриф прям чувствовал липкий запах жареной картошки, витающий по грязным коридорам с зашарканным, драным линолеумом.

Еще не захлопнулась за Гариком скрипучая, на пружине дверь, а Гриф уже торопился к Передозу, где в номере его ждал собранный шмотник.

Не прошло пяти минут, как сталкер в полном снаряжении потягивал сигаретку, скрываясь в полумраке здания бывших мастерских, и поглядывал на общагу из-за оконного откоса.

Он ощущал нарастающую тянущую боль в правом боку и откладывал лечение, еще надеялся обойтись табачком, возможно, «крапивкой». Промедол стоил недешево и приберегался на экстренный случай.

Они вышли через полчаса. Кислый, Гарик, Тоф, Журик и Марыч. С первого взгляда на их снаряжение и оружие становилось понятным, что сталкеры собрались на дальняк. Щелчком Гриф отбросил окуроч, дождался, пока отряд свернет за склады, после чего вышел из сумрака и зашагал следом.

За все время слежки Гриф не дал повода усомниться команде Кислого, что они инкогнито. Семь с лишним часов сталкер скользил за ними тенью, замирал камнем на привалах, читал следы как ищейка, не выпускал из рук бинокля. Идти по следу было проще, чем прокладывать дорожку. Он ставил ногу в отпечаток берца первопроходцев и без труда обходил аномалии. Он редко кидал гайки, полагаясь на наметанный глаз и знания Кислого.

Гриф обходил по краю песчаного карьера расплзшуюся по сухому полю гроздь аномалий. Дальняя часть пояса примыкала к колонне из трех танков и двух БМП, видневшихся бугорками среди жухлой травы. Когда-то грозные машины попали под аномалию, после чего навечно замерли посреди целины. Куда они ехали? Зачем? Теперь вряд ли кто скажет. Бронированные монстры ржавели под кислотными дождями, сохли под ветрами с радиоактивной пылью и постепенно вращались в землю.

Благодаря своему постоянству колонна превратилась в ориентир и заняла место на сталкерских картах и локациях под названием «ржавки».

Некоторые сорвиголовы пытались выяснить судьбу экипажей. В защищенных комбезах забирались на броню. Вот только проникнуть внутрь не смогли, все люки оказались задраены. Кто-то вроде бы слышал, человеческую речь там, за толщей металла. Только Гриф в это не верил. Если никто не попытался или, скорее всего, не успел покинуть машины, то накрыло их моментально и мощно. Загадка была в другом, в какую хрень они вляпались? Все, кто был в танках и в машинах поддержки пехоты, давно померли. В худшем случае... Гриф даже не пытался представить, как могла над срочниками покуражиться зона, прежде чем забрать души в пекло.

Он не получал от зоны милости или приятных сюрпризов. И не питал по этому поводу иллюзий. По большей части она убивала, кромсала, давила, выворачивала, скручивала и лишь иногда этого не делала.

Зона, она черт подери, сплошная аномалия. Здесь ни в чем нельзя быть уверенным. Даже в том, что после смерти твоя душа упокоится с миром.

Гриф шел по краю котлована и поглядывал на танки. Колонна притягивала взгляд, иногда даже казалось, что она двигается. «Здорово им досталось. Чем-то зона огрела их таким, от чего счетчики поблизости зашкаливают, а аномалии протянулись от головного танка до самого карьера».

В аномальной грозди отчетливо просматривались завихрения «каруселей», перетекание «мясорубок», обгорелые круги «жарки». Все там было ими утыкано, что гайке упасть негде.

Гриф повернул голову вправо, взглянул вниз. На дне карьера посреди болота поблескивал грязными стеклами оцепеневший экскаватор. Над водой с камышовыми зарослями по берегу, висела зеленоватая дымка. Хотя порой в подобной атмосфере и рождались «душа», «пузырь» или «светляк», забрать их даже в комбесте повышенной защищенности было весьма проблематично. Эти ядовитые места облюбовали кровососы. Лишь сильно отчаявшийся сталкер или новичок решался спуститься по зыбучему склону и попытать удачу, разыскивая среди рогоза поблескивающие и переливающиеся заманухи.

В тот момент, когда Гриф шел по узкому коридору между обрывом и аномалиями, из-за плешивого пригорка выбежала стая слепых псов. Что по его душу, сталкер понял сразу. Он не мог стрелять, Кислый с товарищами были в пределах видимости и непременно бы услышали. Убивать Грифа они вряд ли бы бросились, а вот устроить засаду чуть дальше или запутать следы могли вполне.

Торопливо, то и дело взглядывая на приближающихся мутантов, сталкер вытаскивал из ножен штык-нож, чтобы примкнуть к автомату. В предвкушении схватки внутри него скручивалась тугая пружина, сердце подняло ритм, все чувства обострились. Он осмотрелся и не стал менять позиции. Узкий коридор, край котлована, аномалии играли за него.

Первого пса он ткнул сверху вниз. Сталь не вонзилась меж лопаток, как целил сталкер, а скользнула по боку. Вытягивая шею, разевая пасть, тварь бросилась в ноги. Увесистым пинком Гриф отбросил ее назад, а косым ударом справа налево, словно махнул метлой, вонзил в бок штык-нож и спихнул с обрыва. Пес взвыл. Удаляющийся вопль скатился вместе с мутантом по склону в ядовитое облако «газировки». Гриф не мог обернуться и посмотреть, как отреагировали сталкеры на вой и слышали вообще ли. Он вел схватку за свою жизнь. Здесь и сейчас. Он лишь интуитивно сжался, присел на ногах, стараясь быть как бы незаметнее.

Ограниченные в маневре, мутанты не имели возможности нападать с разных сторон и растаскивать жертву. Они набрасывались лишь спереди и по очереди. Два пса попробовали атаковать одновременно, и тот, что был справа, сорвался в обрыв.

Орудая автоматом как пикой, пиная ногами, Гриф легко справился с четырьмя тварями. Остальные, осознав тщетность попыток, визгливо таявкая, убрались восвояси.

Сталкер обернулся, группа Кислого пропала из вида. Гриф поднял к глазам бинокль и после недолгих поисков разглядел пятерых букашек, ползущих по опушке леса, высившегося гребенкой по краю соломенного поля.

Он их догнал, еще некоторое время шел по следу по опушке, затем углубился в лес. Теперь, спустя десять часов соглядатайства, распластавшись на сухих листьях под осиной, Гриф укрывался за пригорком и в снайперский прицел наблюдал за уцелевшими братьями. С безопасного расстояния он видел все с самого начала. Видел, как Кислый с сигаретой в зубах по-деловому распоряжался сталкерами, махал руками и пояснял. Видел, как Тоф с Марычем доставали из шмотников мины, саперными лопатками рыли ямы и устанавливали их на дороге, пролегающей между глубоким оврагом и холмом. Видел, как потом все разбежались по огненным позициям, и вместе с ними ждал появления конвоя. Охранение было на удивление слабеньким. Возможно, именно такого и ждал Кислый. Как бы там ни было, головной БТР подорвался на mine. В бок его добились из РПГ. Грузовик расстреливали с двух сторон из канавы и пригорка. Вояки огрызались, и им удалось забрать троих сталкеров.

Сейчас Кислый и Гарик с автоматами у плеча осторожно шли между трупов и водили стволами. Глядя на выживших братьев, Гриф подумал, что к умерщвлению подельников они, возможно, даже, скорее всего, приложили руку. Они с холма все видели, как на ладони, и своих и чужих. Слава о Кислом ходила недобрая. Из старичков вряд ли кто согласился бы идти с ним.

И ладно, работы меньше. Гриф держал в прицеле Кислого, палец придавливал спусковой крючок. Кислый, словно чувствовал чье-то присутствие, старался быстро проскальзывать открытые участки, укрывался то за бэтээром, то за грузовиком, время от времени оборачивался, подозрительным взглядом прочесывал опушку леса. Тот еще сталкерюга.

Они забрались в кузов ЗИЛа. Некоторое время их скрывал продырявленный тент. Первым появился Гарик. С набитым шмотником он грузно спрыгнул на землю, развернулся, принял у Кислого небольшой плоский пластиковый ящик с рукоятками для переноски. После чего выбрался старший из братьев. С пузатым вещмешком за плечами при приземлении он тяжело присел.

Гриф передумал убивать их на дороге. Могло случиться, вояки послали сигнал SOS, и сейчас к ним на выручку спешит «летучий отряд». По действиям налетчиков, по их нервным движениям, тревожным взглядам вдоль дороги и в небо, Гриф понял, они опасались того же, чего и он.

Сталкер не стал усложнять задачу, и место встречи перенес в лес. Он бесшумно поднялся, пригибаясь, двинул назад, забирая от следа на юго-восток.

Глава 3. Долг платежом

На базе было три человека, которым Жорик предпочитал не попадаться на глаза: Пирцент, Качака и Гомес. Заслышав их голоса или заметив мельком, он по возможности менял направление движения, сворачивал в коридор, комнату или останавливался, делал задумчивый вид, затем скорбно поджимал губы, досадливо мотал головой, разворачивался и шел назад за позабытой вещичкой либо делом.

Каждый из трех «черных королей» по-своему был неприятен и пугал новичка, оказавшегося в полубандитском формировании в результате распития «гамофоса» с Кайзером. Хотя главное всех на базе значился сумасшедший Пирцент, почему-то в кабинет майора он заходил со стуком и прибывал, пусть с видимой неторопливостью, но все же прибывал по его требованию, которое доставлял ординарец Косарь.

К тому моменту, когда Жорик подошел с мокрыми руками к пункту выдачи, у открытого окошка оставался лишь Апарка. Заполучив пайку, он зло зыркнул на кладовщика, проскрежегнул зубами и, ничего не сказав, пошел в сторону кубрика.

– Еще есть кто? – из окна выдачи появилась лысая голова Сивого, завертелась на жирной шее.

– Я. Я еще, – Жорик шагнул к «кормушке».

Взял положенный ИРП, сказал: – Там Пахло в кутузке, его это, ну... тоже покормить надо.

– Ага, а рожа у тебя не треснет? – Сивый подленько взглянул на парня.

– Да я... я честно не для себя. Я для него, – округлил глаза Жорик.

– Все? Больше никого? – не дожидаясь ответа, Сивый захлопнул форточку.

– Никого, – промямлил Жорик и поплелся восвояси. Он вернулся в пустую столовую. В кубрик идти не хотелось. Там воняло носками и прелым шмотьем. Поставил пакет на заляпанный кашей стол, принялся извлекать содержимое.

– А-а, – послышался сзади голос, – вот ты где. – Шаги быстро приближались.

Жорик обернулся и тут же получил увесистую оплеуху.

– За что? – втягивая шею в плечи, Жорик вытаращился на мужика с одутловатым небритым лицом.

– Придурок, ты почему карцер на сигналку не поставил?

– Я это... думал, ну... с камеры увидят и поставят.

– Думал он, – наемник еще несколько секунд рассматривал растерянное худое лицо с наивными серо-голубыми глазами, обросшее на скулах и узком подбородке светлым пухом, затем сместил взгляд на выложенные на стол припасы. Быстро взял круглую фольгированную упаковку, сунул в карман, развернулся и пошел из столовой.

– Э-э, Пистон, хорош борзеть. Паштет верни!

Не оборачиваясь, Пистон показал Жорику средний палец:

– Не будешь забывать, – свернул в коридор.

– Урод, – процедил сквозь зубы Жорик, взялся за контейнер с курицей и овощами.

Он съел бы и больше, но два обстоятельства не позволили набить живот до отвала. Первое: не было понятно, поставили их на довольствие или начнут кормить только с завтрашнего утра. А раз так, то индивидуальный рацион следовало растянуть на весь оставшийся день. Второе: Пахло. Жорик сам не знал, почему так делает, но по-другому поступить не мог.

После скромного перекуса он рассовал по карманам куртки хлебцы, плавленый сыр, яблочное повидло, банку говяжьей тушенки, упаковку овощного рагу, повертел в пальцах и положил шоколадный батончик. Остальное сложил в вещмешок, с которым ни на миг не расставался (воровство на «Салюте» процветало). Из ящика возле тумбы с подносами взял бутылку с водой и двинул на выход.

Остановился перед «дежуркой», некоторое время придумывал нечто правдоподобное. Он уже десять раз пожалел, что не сразу накормил Пахло, а решил пожрать сначала сам. Жорик не рассчитывал, что Пистон так скоро заметит нарушение. Но тот заметил, и вот теперь он стоит перед дверью в дежурное помещение и выдумывает легенду. Наконец, Жорик вдавил кнопку переговорного устройства.

– Кто? Чего надо? – в динамике послышался скрипучий далеко недоброжелательный голос. Жорик хорошо представлял физиономию злобного ренегата.

– Сэм, мне это... я Жорик, короче. Мне Качака велел, ну... ареста покормить этого... Пахло.

Жорик знал, что старпом укатил вместе с Пирцентом и слова его проверять не будут, а потом уже не вспомнят.

– На хрена его кормить?

– Не знаю, – Жорик пожал плечами, а потом бодро и даже дерзко добавил, – а ты это, у Качаки спроси.

– Ладно, иди, ща открою.

Ему пришлось постоять возле запертой двери еще с минуту и таращиться на ржавый металл с отслоившейся местами краской, прежде чем щелкнул ригель электромеханического замка.

Пахло сидел, прислонившись спиной к стене, в темном помещении бывшей инвентарной два метра на два с низким железным потолком, под которым приходилось пригибаться. Внутри пахло мочой и ржавчиной. Арестант напряженно смотрел на Жорика.

– Я тебе тут это... пожрать принес, – Жорик стал доставать из карманов продукты.

Лицо Пахло изменилось, сначала расслабилось в благодушную улыбку, а затем поборо зело. Он встал, пригибаясь, подошел к двери, через плечо парня посмотрел на двор. Несколько наемников шарахались по базе.

– Че Пирцент говорит? Когда меня вызовет?

– Он с Качакой уехал.

– И когда вернутся?

Пахло брал продукты и распахивал по карманам, постоянно возвращаясь взглядом за спину Жорику.

– Не знаю. Они старика с собой потащили, думаю...

– Курить дай.

Жорик из нагрудного кармана достал пачку, собрался выбить несколько сигарет. Но тот взял всю пачку:

– Зажигалку гони.

Несколько секунд Жорик с упреком смотрел на обнаглевшего Пахло, но потом все же полез в карман за зажигалкой. Дело в том, что Жорик был должен этому грачу. Он спас его, когда Шиза и Мамочка притащили еще тепленького со сна Жорика в сортир, где их поджидал Гомес. Неизвестно, а скорее известно, чем закончилось бы дело, не появившись в самый ответственный момент Пахло. В тот день он был дежурным по базе и зашел по нужде. Распаленный Гомес с красной рожей, бешеными бычьими глазами рекомендовал Пахло идти куда подальше. Но тот, толи по доброте душевной, толи из-за личной неприязни к «сестрам» открыл клапан на кобуре и попросил «глиномесов гребаных» идти самим в том направлении.

По стечению обстоятельств или по каким другим причинам, все они трое на следующий день были направлены Качакой на «мясозаготовку». Из рейда вернулся лишь Гомес, и тот израненный. Группа сталкеров, которую они решили ограбить и затем пленить, оказалась несговорчивой.

Жорик отдал зажигалку Пахло.

– Ты мне рожу здесь не строй, – рыкнул Пахло и заточил на парня гневный взгляд. – Забыл, кто резьбу спас?

– Не забыл, – буркнул Жорик.

– Не забыл, – передразнил его наемник, некрасиво выпячивая нижнюю губу. – А на хрена тогда в спину сунул? А?

– Для убедительности, чтобы это, Кобзя, ну... ухо тебе не выжег.

– Для убедительности, – снова передразнил Пахло и стал рассматривать, съедобные подношения. При упоминании «жгучего пуха», шею и особенно левое ухо как будто вновь зашипало. Наемнику было неприятно вспоминать, как Кобзя зацепил в щепку кусочек ядовитого мочала, привязал к пруту и, следуя сзади, время от времени дотрагивался им то до уха, то до шеи. Кислота жгла кожу. И если бы не вмешательство Жорика с убедительной ненавистью, дело могло кончиться увечьем.

– Пока свободен. Пехай в корпус и выясняй, че по мне решат. Узнаешь, скачи сюда. Надо на хрен выбираться из этой задницы, – говорил Пахло, набивая рот и удаляясь к торцевой стене карцера, где его ждала железная скамья. – Как же все осточертело, мля.

«Великолепно. Вот тебе и благодарность. – Жорик закрыл дверь и с тяжелым сердцем побрел по раскисшей тропинке к главному корпусу. – Не так я представлял себе сталкерскую жизнь. Не так. Чертов Кайзер, лапши навешал, мозги заплел, сволочь: да там братва, да они всем рады, да тебе там то, тебя там се, нефиг одному шарахаться, попадешь в студень, руки подать некому, айда к нам яйцеголовых охранять. Риска никакого, а кормят и платят великолепно». Это «великолепно» Жорик запомнил особенно и вспоминал при каждом мерзопакостном случае. А на день таковых выпадало раз по пять.

После побега Пахло он уже задумывался над тем, чтобы и самому ноги сделать. Но в отличие от Пахло – сталкера со стажем, он еще ничему не научился и чувствовал себя в зоне, как на Марсе. В лучшем случае отмерял себе жизни до Креста Брома. Он до сих пор просыпался по ночам в испуге, заслышав отголоски выстрелов или вой мутантов. «Да уж, вляпался я здесь по самые гланды. Еще этот клятый Гомес... Надо, как Геныч, говорить хриплым, тихим голосом, чтобы все замирали и прислушивались. Под Дизеля у меня плоховастенько выходит». И тут же попробовал хрипеть:

– Эй, глиномес проклятый. Ты, да. Подь сюды. Че вылупился? Это я тебя...

– Ты чего, Жорик? Простыл? – послышался рядом насмешливый голос. Жорик остановился и поднял голову. У стены корпуса стоял прыщавый Калина и лыбился. В руке у него тлела сигарета. Он стоял вплотную к корпусу, чтобы не попасть под камеру. В глазах у электрика плясал ехидный чертик.

– Есть чутка, – прохрипел Жорик, кашлянул и зашагал дальше.

– А-а-а, – протянул Калина, кривя рот в усмешке, – ну полечися, полечися.

Глава 4. Засада

Болело в правом боку. Каждый шаг отдавался неприятным толчком. Гриф морщился, прислушивался к болезной и решал, чем ее глушить. Но только после того, как обстряпает дельце. Скоро понадобятся ясные мозги и твердая рука.

Он добрался до ранее присмотренного участка и быстро, с толком принялся устраивать засаду. Слева от тропы раскинулась обширная «комариная плешь», жидкое редколесье без валежника, ни ям, ни бугров – идеальное место для убийства.

Гриф спрятался за единственным в округе укрытием – поваленной толстой сосной. Сталкер удобно пристроил абакан между ветвей и ждал.

Первым шел Гарик, ему первому и прилетело. Две пули: одна в глаз, другая в шею – свалили сталкера на месте. Шедший за ним в двух метрах Кислый среагировал моментально. Он выпустил рукоятку ящика, метнулся в сторону, на бегу сдергивая с плеча SIG.

Гриф прицельно стрелял одиночными, размеренно нажимая на спусковой крючок, стоило прицелу после отдачи вернуться к бегущей мишени.

Кислый сразу определил, откуда ведется огонь. Не найдя укрытия, залег под тонким стволом ольхи так, чтобы мертвый Гарик находился между ним и стрелком. Распластавшись на земле, прикрываясь трупом брата, сталкер отстегивал вещмешок и старался высмотреть за поваленным деревом налетчика.

Из-за толстых ветвей вылетело пламя, пуля взвизгнула над головой и ушла в молоко. Оценив ситуацию, Кислый понял, что встреча не случайна. Он кожей чувствовал свою уязвимость и то, что еще жив, относил к чистой случайности. Если что-нибудь не предпримет и немедленно, то самое большее через минуту присоединится на небесах к младшему.

Кислый перевернулся на бок, вытащил из разгрузки гранату. Выдернул чеку, удерживая рычаг, произвел короткую очередь в сторону противника, заставляя его спрятаться и не заметить момента броска. Раздался взрыв. Клоки травы, ошметки земли, сухие листья, ветки подлетели в воздух. Пользуясь моментом, Кислый вскочил и, низко пригибаясь, устремился прочь из ловушки, петляя между жидкими стволами.

Сталкер думать забыл об артефактах, за которые они с братцем положили троих подельников и двенадцать контрактников. Он спасал шкуру. И как будто получалось. Он не слышал позади выстрелов. Начал надеяться, что задел, а может, и вовсе вырубил стрелка. В голове даже мелькнула смелая мысль обойти и добить гада.

В воцарившейся тишине звук выстрела прозвучал четко и громко, одномоментно обрушив надежды Кислого в заначке у которого оставались лишь бронежилет со шлемом да удача.

Гриф стрелял стоя, оперев локоть левой руки в бок, широко расставив ноги, как в тире, с замиранием дыхания, с холодной головой и в полном спокойствии.

Пуля ударила Кислого в правое плечо. Его немного развернуло, винтовка выпала из руки. Сбившись с шага, но все еще сохраняя ход, сталкер пытался петлять.

Очередная пуля ударила в шлем и с противным ввинчивающимся звуком ушла в сторону. Следующая засела в бронежилете под левой лопаткой, еще одна прошла мимо, а вот четвертая повалила Кислого с пробитой шеей на землю. Повредив мышечные ткани с трахеей, она задела и позвоночник.

Кислый неподвижно лежал на прохладной земле, припорошенной палым листом, пускал ртом кровавые пузыри и не чувствовал ног. Он часто моргал и старался не дышать. За непрекращающимся звоном в ушах он не слышал, как со спины подошел стрелок, мыском берца отпихнул выскочивший из кармашка дозиметр, как стоял несколько секунд и смотрел на него оценивающим взглядом, словно охотник оленя.

Почувствовал Кислый присутствие чужака, лишь когда тот наступил ему тяжелым берцем на плечо, толкнул, переворачивая на спину. В перепачканное кровью лицо смотрел ствол абакана. Кислый увидел своего палача и разжал руку, спусковой рычаг, кувыряясь, полетел в сторону.

– Ёп, – коротко выдохнул Гриф, отпрыгнул, словно кошка, упал на землю. В следующее мгновение прогремел взрыв. Рядом засвистели осколки, с тупым стуком врезались в стволы, в землю. Гриф вдруг ощутил обжигающую боль в пояснице слева. «На мне же броник, – вспыхнула в мозгу мысль. – Неужели под него залетел? Пробить не мог. Черт, все же залетел», – сталкер перевернулся на правый бок, ощущая боль. Он сел, наклонился вперед, задрал край куртки, из брюк вытянул запроваленную толстовку с футболкой, завел руку за спину, просунул пальцы под бронежилет.

Темная кровь на фалангах его не обрадовала. Любое шевеление корпусом отзывалось болью. Гриф осторожно поднялся на ноги. Направляясь к дереву, под которым оставил рюкзак, думал, чем может себе помочь и насколько серьезно повреждение. На месте из аптечки выковырял пенал без окраски, на ладонь вытряхнул таблетку кеторола. За противоболевым средством пошел доксицилин. Йодом обработал рану, наложил повязку с тампоном. Было неудобно, поэтому бинты держались некрепко.

Гриф собрал вещмешки мертвых сталкеров, составил у валежника. Затем притащил тяжелый пластиковый ящик. Добыча была жирной настолько, что у сталкера разбегались глаза. Они вспыхнули лихорадочным блеском и скользили по сокровищам. Никогда раньше он не видел такого количества полных контейнеров. Он вскрыл несколько, подвернувшихся под руку. В одном оказался «лунный свет», во втором «душу», третий порадовал «вспышкой». Перебирать хабар и отсеивать «дешевки» сталкер не стал. Во-первых, военные могли пойти по следу, во-вторых, рана резко ограничила его во времени.

Подрагивающими в ажиотации пальцами Гриф сунул изученные контейнеры себе в шмотник. Те, что остались, закрыл в ящике, застегнул замки, вещмешки братьев навесил на себя. Гриф не находил сил расстаться с чем-либо. Казалось, оставь он что-нибудь, и именно там окажутся «мамины бусы», «золотая рыбка», а может, и вовсе «компас». Эта неумная жадность в конечном счете его и сгубила.

После того как засыпал под язык двойную дозу «крапивки», километра два шлось терпимо, но потом из него словно выпустили воздух. Гриф резко ослаб. Пришла боль. А когда закружилась голова и перед глазами поплыли круги, он понял, что потерял много крови и время на спасение катастрофически сократилось.

Тяжело дыша, на заплетающихся ногах он прошел еще метров сто и встал. Гриф ощутил, как мало осталось сил, как по телу дрожью проходит слабость, какими ватными стали ноги. Сунул руку под бронежилет, через одежду ощупал повязку. Куртка в этом месте была мокрой. Когда вытащил и посмотрел на ладонь, она оказалась вся красной. Пальцы мелко подрагивали.

– Черт, – выругался сталкер. – Хрена я до базы дотопаю.

Мысли метнулись к пожарным гидрантам заливать страх: «Надо помощь просить, – ударил спасительный брандспойт. – А арты куда дену? А братьев найдут? Нет. Хабар зарыть и идти налегке. Потом чутка отойду, SOS кину. Неизвестно, придет кто-нибудь? И что, даже если придет? Меня штопать надо, причем срочно. К доктору Болотному сворачивать, вот что надо делать».

Сталкер помнил, что старик обитал на болотах, включил ПДА, полистал локации. Нашел нужную. На треть дорожка к доку была короче, чем до базы. Гриф недолюбливал отшельника, с которым однажды расстался не по-доброму, но деваться ему было некуда.

Сталкер осмотрелся. Невдалеке взглядом нашел поваленное дерево. С помощью ножа под стволом вырыл яму. Дважды приходилось останавливаться и передыхать. Кровь стучала в висках, в руках гуляли слабость и дрожь. Чтобы оставить хабар просто так, на видном месте, не

могло быть и речи. Пока он его прятал, кровь обильно текла из раны, а от физических нагрузок и учащенного сердцебиения делала это быстрее. Вместе с кровью из сталкера уходила жизнь.

Он зарыл ящик и вещмешки братьев, даже землю прихлопал и сверху набросал листьев с ветками. Взмокший, на подгибающихся ногах, расфокусированным взглядом посмотрел на экран ПДА. Карта перед глазами плыла и двоилась.

– Вот черт, – выдохнул Гриф и пошатнулся. Чтобы не упасть, ему пришлось отшагнуть. Он потряс головой, несколько раз закрыл, открыл глаза. Лучше не стало. Поднес ПДА близко к глазам и поставил метку тайника, затем определил направление к болотам.

Он шел до тех пор, пока мог идти. Потом полз...

Вязкое отупение, темная бездна, окружали со всех сторон. Гриф силился открыть глаза. Слабые веки дрожали, приподнимались. Муть, светлые, темные пятна плыли перед глазами. Тишина. Что-то теплое, влажное коснулось тыла ладони, словно кто-то влажной губкой оттирал ее от грязи.

Доверившись заботливым рукам, сознание выключилось.

Глава 5. На базе

Пирцент с Качакой прикатили под вечер. Они были в настроении, разговорчивые и даже веселые. Жорик понял, что попытка со стариком принесла результат. Самого же деда, понурого, вывели из бэтээра и заперли в кладовой, так как карцер и камера были заняты. Старпом носился по базе, налево направо отвешивал пинки и затрешины. Искал сварщиков, гнал на «плац» варить плуги. Электрические вспышки до поздней ночи освещали синим светом железные стены и забор «Салюта».

С утра база напоминала разворошенный муравейник. Качака широким шагом ходил по коридорам, холостыми палил из волкера и орал: «Подъем, мясо!» Ба-бах!!! «Подъем, плазмойды! Время срать, а мы не ели!» Ба-бах!!! Ба-бах!!! «Подобрали жопы к подбородку, встряхнули кистями, попрыгали на яйцах! Раз- два!» Ба-бах!!! «Раскрывай динаму, макивары! Кто первый?!»...

Если кто сонный выпадал на шум неосторожно из кубрика, славливал по шам и западал обратно. Выходить на «центряк» можно было только после команды: «Цирк на дроте!» Недели две назад был «баян», а еще раньше «вали, богема».

Подобным образом старпом взбадривал «курятник» лишь в том случае, если Седой лично благословлял духоподъемный протокол. Ну а Качака был рад стараться. На памяти Жорика он ни разу не дал петуха, а его волкер осечки. Утро звенело от концентрации энергии и суеты, наэлектризованный воздух едва не начинал пробивать разрядами.

Проснувшиеся и повскакавшие с коек грачи толпились в труселях у дверей. Молодые перешептывались, толкались, старались выпихнуть друг друга на центряк. Громко гыгыкали, если из коридора доносились характерный звук от столкновения тела с телом и отборная матерщина высоким слогом. День обещал быть насыщенным.

Казалось, никто не стоял даром. Все вокруг суетилось, гремело, трещало, перетаскивалось, вздыбливалось и матюкалось. Параллельно с производством дополнительных якорей, с устройством на бэтээре буксировочных петель, с погрузкой оборудования, талей, тросов набиралась «коммандос».

Седых как знамя мелькал в белом халате среди темных роб, камуфляжей и раздавал указания. Редко он так светился. Пирцент следовал за ним по пятам уже не в своем имперском мундире бирюзово-серого цвета, а в натовской армейке с огромным магнумом 44-го калибра в поясной кобуре. Качака стоял на вышке, облокотившись на перила, и всевидящим оком обозревал «курятник».

Жорик закреплял тросы на бэтээре и ощущал себя заключенным, а отцов-командиров ассоциировал с надзирателями. С каждым днем ему все меньше нравился «цирк на дроте». Он уже мечтал о тех временах, когда шатался с Пачей по помойкам, выискивая хлам и дребедень, когда был напарником, пусть временами и отмычкой, а не протоплазмой, не рожей, не мясом, не грачом, и далеким от харассмента. Все чаще поглядывал на карцер, и смутные мысли приобретали очертания.

Во время обеденного перерыва он подошел к карцеру, тихонько стукнул берцем по железной двери.

– Че надо? – послышался недовольный голос.

– Это я, Пахло, – глядя в сторону, прошептал Жорик.

Послышался шорох одежды, затем шаги по металлу.

– Чего тебе? Узнал насчет меня?

– Нет пока, – шептал Жорик, привалившись к двери, с беспечным видом потягивая сигарету. – Помнишь, ты говорил, ну... о побеге?

– И чего?

– Ну... это, у тебя есть план?

– Пошел к черту. Передай Качаке, что я раскаиваюсь. Скажи, что готов искупить вину.

– Да нет, ты меня это... неправильно понял. Я хочу...

– Эй! – раздался громкий голос со стороны главного корпуса. – Жорик, ходи сюда!

Жорик вздрогнул, обернулся. Кто-то в курилке махал ему рукой.

– Пожрать принеси! – донеслось из-за железной двери вслед удаляющемуся Жорику.

В курилке, где на лавочках расселись грачи, привалившись плечом к столбу, вальяжно стоял Пистон, сунув руку в карман брюк, смолил папиросу, шурился от дыма и смотрел на шагающего через двор парня.

– Ты че возле карцера отираешься? – спросил он, когда Жорик приблизился.

– Так, ниче, – ответил Жорик с хрипотцой в голосе, глядя в сторону, – он пожрать просил, я ему сказал, чтобы отвалил.

– Ты простыл?

Жорик откашлялся: – Есть чутка.

– Ты к Пахло не липни, падла он приличная. Свяжешься с таким – потом пожалеешь. Я таких знаю. Класть он хотел на всех, только свою шкуру бережет, подзуживает, а потом пользуется.

– Да я не липну, он это... пожрать...

– В общем, я сказал, а ты думай. У тебя башка для этого есть.

При этих словах Пистон внимательно посмотрел на парня, словно бы убеждаясь, что есть.

– Понял, – сказал Жорик своим обычным голосом, спохватился, кашлянул и прохрипел, – я пойду, это... дела у меня.

Он зашел в главный корпус и прямоком в столовку напомнить Черпаку об аресте.

Больше в этот день приближаться к карцеру Жорик не решился. К вечеру площадка с истоптанной землей, с обрубками арматуры, с кусками уголка, с огарками электродов, с глубокими бороздами от тележек опустела. Подойти, не привлекая внимания, к аресту было невозможно.

На следующий день, ранним утром рабочая бригада под руководством Качаки на бэтээре выдвинулась к атомному танку. Нагруженный плугами – якорями, тросами, лебедками, таями транспортер казался барахолкой на колесах.

Примерно в час по полудню, на ходу накидывая китель, из корпуса торопливо вышел Седых, за ним поспевал Пирцент. Их лица были сосредоточенно-серьезными. У входа их ждал «батон» с работающим двигателем. Машина резво выкатила за ворота, едва те открылись.

К вечеру, когда все вернулись, стало известно, что исследовательский танк сдернули, наконец-то, с аномалии. На радостях руководство устроило праздник. Он был первым и последним на памяти Жорика. Качака выставил на раздаче в столовке канистру спирта и распорядился кормить мясо до отвала.

Седых ходил среди пьяных грачей, потирал руки, лыбился закрытым ртом, блестящими глазками стрелял по сторонам и был похож на кощея. То одного, то другого хлопал по спине, дергал острым подбородком, говорил: «А, брат? Какое дело сделали? А? Сдернули мы его все же. Сдернули!».

А на следующий день исчез старик. Озверевший Качака носился по базе, таскал на допросы с пристрастием всех, кто мог быть к этому причастным. База притихла в предчувствии беды, попряталась по кубрикам и молилась. Сумасшедшие вопли, визгливые вскрики, захлебывающиеся завывания нараспев носились по пустым коридорам и, казалось, дергали за дверные ручки, стараясь ворваться в жилища с притихшими людьми.

Ничего. Старик словно сквозь землю провалился. В общем-то, он уже был и не нужен, но Пирценту надо было выявить предателя. «Не мог же гребанный дедан-карабан испариться-бица-

тыща!!!..», – доносились его вопли из дежурки, где уже, наверное, раз десятый прокручивали записи с камер наблюдения, и слышались глухие удары, звук падающего тела, снова удары, сдавленные вскрики.

В конце концов назначили виноватого кого-то из новеньких. Пирцент уколошил его прямо в кабинете. После гулко-громкого выстрела его хохот еще долго летал рваными крыльями под железными потолками и пугал грачей.

Пирцент распорядился в назидание остальным повесить труп на всеобщее обозрение. Мачта освещения между главным входом в корпус и воротами подошла как нельзя лучше – захочешь, не пройдеши мимо. На оцинкованной крышке бака Шурави красной краской намалявал: «Кто таропица на небеса разазли миня» – и повесил на шею мертвеца. Позже, из-за недопонимания, собственно, кого «разазлить» – покойника, Пирцента или Шурави, надпись пришлось поменять, впрочем, как и писаря. «Смерть предателям» Калина вывел все на той же крышке, только с обратной стороны.

Два дня после репрессий база приходила в норму. В Бульгах грачи зацепили какого-то механика, приволокли на «Салют». После короткого разговора с Седыхом его отвезли к танку и заставили чинить. Было понятно, что от зашуганного слесаря толка никакого, но нужен был процесс, движуха. Параллельно из института вызвали спецов.

Из циркулируемых по базе слухов, Жорик узнал, что Седых хотел оживить танк для какой-то экспедиции на зараженные территории.

На базе наступило тревожное затишье, словно при полном штиле на корабле обнаружился чумной. Если не задумываться о завтрашнем дне, казалось, жизнь вроде бы налаживается и костлявая прогуливается где-то за забором. Жорик уже не помышлял о побеге, как вдруг пришла беда, откуда ее не ждал. Неожиданно его вызвали к Пирценту.

С дурным предчувствием, неприятным жжением в животе, с мыслью: «Вот и до меня очередь дошла», на предательски ватных ногах он зашел в кабинет, где уже было четверо понурых. Их Жорик узнал сразу. Ряба – прыщавый молокосос еще моложе, чем он. Как-то был застукан за мелким воровством, за что отсидел в кутузке несколько суток. Шварц – низкорослый, крепко сколоченный с гнилыми зубами ренегат, переметнувшийся от свободовцев. Гнутый, о нем Жорик никаких отличительных сведений не имел. Тот все время пропадал в «командировках». Соха, как-то в курилке за разговором, под гоготание грачей признался, что любит лысых женщин. «Ни одного нормального. Или, наоборот, это самые что ни на есть нормальные из того дерьма, что прибывается к салютовцам», думал встревоженный и напуганный Жорик. Спустя минуту зашел безрадостный Пистон – наемник из бывших. «Хоть один», – мысленно выдохнул Жорик.

– Мясо-радуйся-и-лику-у-уй, – Пирцент отложил пошарпанный, с облезлой обложкой журнал. Жорик увидел, что это были комиксы. – Удача-вас-блин-любит-губит-тупит-лупит-приголубит, – тянул Пирцент нарастав, – такая-везуха-зашибуха-выпадает-не-каждому-бродяге-яге-сходите-принесите-все-дела-чака-качака-поведет-в-обиду-не-даст-кто-предаст-тот-умирает. Вопросы-мясо-есть-кругом-марш-собираться-в-дорогу-ей-богу-от-порога-три-прихлопа-опа.

«Чертов Пирцент со своими баснепениями», – думал Жорик, мало чего понимая из услышанного. Зато смекал другое. Шварц, Гнутый, Соха, Пистон – ветераны, а он с Рябой – молодежь, трояки зеленые. Сразу становилась понятна их задача в отряде.

«Блин горелый», – Жорик судорожно искал повод откосить от рейда.

Он подловил Качаку в коридоре, осмотрелся и, не заметив посторонних, быстро шагнул к нему.

– Качака.

Старпом остановился.

– Я не должен идти в этот раз, – выпалил Жорик, перебирая с хрипотцой и со страха переходя на откровенный сип. Жалостливо глянул в ничего не выражающие глаза. Пока тот молчал и пытался понять, о чем речь, сипел: – Я приболел, у меня, ну... горло. К тому же недавно с вылазки вернулся. Мы это, «гончими» за Пахло ходили. Помнишь? Я еще, ну... клятого предателя приструнил? Возьмите в «коммандос» вместо меня кого-нибудь другого. Хмыря или Есю, они не против будут...

– Поздняк метаться, мясо, – пробасил Качака, делая физиономию безразличной. – Пойдешь ты. У доков возьми таблетку или я тебя сам вылечу.

Верзила оттолкнул Жорика и погромел по коридору тяжелыми ботинками.

«Все, мне крышка», – запаниковал Жорик, обманутый в надеждах и обмирая со страха. Он развернулся, понунив голову, побрел по коридору, ничего и никого не замечая кругом. Мысли носились в голове, словно на раскаленной сковородке, и ничего дельного не предлагали, только вопили: «ВСЕ, МНЕ ХАНА! ХАНА МНЕ!». С каждым шагом мир все сильнее давил на плечи, пригибая Жорика к полу. А потом вдруг пробило: «Пахло! Вот кто мне поможет, – возвращался Жорик к жизни. – Терять мне нечего». И пока шел до входной двери, набрался решимости. Выйдя из лабораторного корпуса, напрямик двинул к карцеру.

Глава 6. Болотный доктор

За дверью слышались удары каблуков о половицы. Гриф открыл глаза, секунду прислушивался, затем откинул край стеганого одеяла, спустил босые ноги на пол, сел на край кровати. Боли в спине он почти не чувствовал, лишь неприятные тянущие ощущения, словно кожи не хватало и ее натянули на рану. Сталкер поморщился: «Сколько я здесь? Неделю, полторы?».

Шаги приближались, остановились перед дверью. Щелистое деревянное полотно с тихим скрипом отворилось, в тесную комнату с бревенчатыми стенами, низким потолком и узким окном вошел пожилой мужчина трудноопределимого возраста, от пятидесяти и до семидесяти лет, с венцом седых волос вокруг обширной лысины на темени, переходящей на морщинистый широкий лоб. Умные серые глаза смотрели испытующе, холодно, но в тоже время приязненно, никакой враждебности в них не читалось, обычный интерес к малознакомому человеку, волей судьбы оказавшемуся на его дороге. Седые усы обтекали рот с узкими растрескавшимися губами и соединялись в короткую бороду. В руках он держал алюминиевую кружку, из которой тянулся парок. Одетый в ношенный вязаный свитер с высоким горлом, мешковатые штаны и кирзовые гармошкой сапоги, он сел на табурет, чашку поставил с краю, так, чтобы пациент мог дотянуться, положил крепкие руки с широкими ладонями на стол.

Некоторое время доктор смотрел через узкое окно в разохшейся раме на покосившийся редкий забор, на ивовый бурьян, кусты жимолости, на проглядывающую сквозь листья кочковатую поляну, за которой начиналось болото.

– Плохи твои дела, сталкер, – доктор наконец разогнал тишину. – Осколок я вытащил. Спина твоя заживает, как и нога, впрочем, а вот поджелудочная твоя швах. Пей, чего сидишь? – подбородком отшельник указал на чашку с отваром.

Гриф дотянулся, взял чашку обеими руками, поставил на колени.

– Спа... – засипел он, откашлялся, повторил попытку, – спасибо.

– Пей, это тебе поможет.

В соседней комнате слышалось цоканье, которое быстро приближалось. Через несколько секунд к компании людей присоединился псевдопес. Немалые размеры, приплюснутая зубастая пасть, мутный, затянутый бельмом левый слезящийся глаз, сухая топорщащаяся клоками шерсть, тело, словно не раз шитое и кроеное, на длинных когтистых лапах вызывали в сталкере неприязнь и опасения. Столько их сталкер перебил и натерпелся, что привыкнуть к мысли, будто Барс – безобидное создание, было выше его сил. Враждебность ко всякому роду мутантов засела в сталкере так глубоко, что даже сделать исключение не представлялось возможным.

Пес подошел к хозяину, посмотрел на него целым глазом, сел рядом. Доктор погладил лобастую, изрытую шрамами голову.

– Держать тебя, сталкер, дальше не вижу смысла. Все, что мог, я сделал. Тебе только осталось набираться сил и время от времени глотать капли. Пару пузырьков я приготовил. Двенадцать капель при приступах и утром по восемь натошак. День-другой тебя еще потерплю. Вся твоя снаряга дожидается на террасе. Берц я заштопал.

– Я понял, – Гриф потихоньку хлебал горячий отвар и внимательно слушал. Он прекрасно помнил недавний разговор с доктором, когда стало ясно, что он выкарабкивается и выздоровление уже не казалось, чем-то несбыточным. На вопрос сталкера, как он здесь очутился, Болотный доктор рассказал короткую историю. Мол, первым его нашел Барс и будто уже до псевдопса кто-то поглотал. Гриф так не думал. Если бы кто-то раньше нашел, вряд ли обошлось башмаком и голенью. Но и на том спасибо.

Сталкер не находился с ответом в другом: почему Барс не стал его жрать с более мясистых, менее защищенных частей. Возможно, думал Гриф, пес был сытым и тащил его за ногу с намерением припрятать под корягой или пнем, чтобы вернуться позже.

Доктор рассказывал, что принял сталкера за мертвеца. Тот лежал неподвижный, кровь залила низ спины и все брюки на заднице. Жизнь в нем едва теплилась. Док срезал сползшие, грязные, скрутившиеся в веревку бинты, перевязал чистыми, ширнул «фирменным коктейлем» и потом тащил его добрых четыре часа.

– Я не сильно богат, – прервал Гриф затянувшееся молчание, которое становилось тягостным, – у меня в шмотнике есть несколько не самых дешевых артов, можешь забрать себе. – Помолчал и добавил: – Если мало, я потом еще принесу.

– Нет, хватит, – Болотный доктор прищурился, пожевал губы и, глядя в окно, продолжил: – Я навел о тебе справки... Пока ты отлеживался, вернулся к месту, где тебя нашел, прошелся по следу. Обнаружил твой, а точнее, даже не твой тайник. Нашел то, что осталось от Кислого и его брата, добрал до сгоревшего бэтара... В общем, все, что у тебя осталось, это твоя жизнь. И теперь ты вправе ею распоряжаться по своему усмотрению. Со мной ты рассчитался.

Болотный доктор повернулся и прямо посмотрел на угрюмого сталкера. Посмотрел так, что Грифу стало не по себе, и он отвел глаза. «Спасибо хоть жизнь оставил». При этом сталкер не чувствовал злобы или затаенной обиды.

– Ты меня выведешь или самому? – спросил Гриф, не поднимая глаз.

– Дорогу ты знаешь.

Доктор встал и вместе с одноглазым псом вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Глава 7. Побег, которого не случилось

- Пахло, – позвал Жорик ареста, – подойди.
- Узнал про меня? – Пахло шагнул к двери.
- Подожди, – говорил Жорик уверенно и быстро, – надо бежать. Что от меня требуется? Повисла минутная пауза, затем Пахло сказал:
- Ночью открой карцер и дай пекаль, в идеале с глушителем, на крайняк нож сойдет.

Остальное я возьму на себя.

- Хорошо, – ответил Жорик и скорым шагом отчалил от кутузки.

Оставшийся день он больше подготавливался духовно, чем материально. Весь его нехитрый скорб хранился в шмотнике, осталось только из тумбочки забрать станок с помазком да зубную щетку с пастой. С косым калашом они и так не расставался.

Где взять пистолет с глушителем, Жорик за весь день не придумал. Пытался спросить у Мызы, кто таковым располагает. Мыза сказал, что понятия не имеет, и высказал предположение, что с глушителем, скорее всего, ни у кого нет, да и зачем он. Жорик попробовал выпросить у него в долг потасканную фору, мол, за пользование и за патроны рассчитается. Вернется с рейда и тугриками с «зарплаты» отслюнявит. Мыза погано ощерился и сказал, что ему еще надо вернуться, а он как-то не очень в это верит.

В конечном итоге Жорик решил, что царапанная финка с наборной рукояткой, с которой он пришел в зону, не самый худший вариант.

Он встал, как и определил себе с вечера, в три часа ночи, надел берцы, туго и старательно зашнуровал. С минуту сидел на койке неподвижно, глядя в пол, затем выдохнул, из-под подушки вытащил нож, спрятал в карман. Рывком поднялся, осторожно ступая, ощущая, как трясутся поджилки, направился к двери.

В коридоре никого не было. База словно вымерла. Озираясь, Жорик прокрался к дежурке. Остановился перед запертой дверью, трудно сглотнул. В горле пересохло, а ладонь, обжимающая наборную рукоятку, наоборот, взмокла. Трясущимся пальцем он нажал кнопку вызова на переговорном устройстве.

- Кому, ёп... не спится? – послышался из динамика невежливый голос.
- Мне... – слова застряли в горле, словно они были слеплены из стекла и сухой глины.
- Че ме? Говори, – все сильнее раздражался голос из динамика.

Жорик откашлялся:

- Курить дай, – наконец произнес он.
- Продай, – последовало гневное уточнение.

– Да, продай, – выдохнул Жорик. Он все сильнее потел, его лицо покрылось пятнами, а рукоятка финки, казалось, потяжелела килограммов на двадцать. Он не понимал, о чем речь, и лишь краем сознания вспоминал, что и хотел сказать именно «продай», потому что ходил слухок, мол, ребята из «фуриков» приторговывают табачком, а то и того хлеще. Он ведь именно для этого приготовил мелочь в нагрудном кармане вечером. Именно для того, чтобы купить сигарету, если что-то пойдет не так, и уйти, не привлекая внимания. Но он так нацелился на побег именно сегодня, уверился, просто был заморожен мыслью, что все получится идеально, прямо так, как представлялось. Дежурный откроет дверь, протянет сигарету, а он в ответ ножом его в грудь. Свалит за смерть, причем, крови в своей фантазии не видел ни капли, ворвется в дежурку и нажмет заветную кнопку красного цвета. После чего Пахло все возьмет на себя. И не будет никакого завтрашнего похода, ни базы, ни железных коридоров, ни гнусных рож, ни всего этого паскудства, которое окружало его последние полтора месяца. С Пахло они умчатся за кордон – прости-прощай.

- Сколько тебе? – возмущенный голос звучал в динамике уже сухо и по-деловому.

– Ону, – промямлил Жорик непослушным языком.

Когда дверь открылась и дежурный с сигаретой в руке выглянул наружу, то никого в коридоре не увидел.

Жорик, забравшийся под шерстяное одеяло в берцах и с головой, вслушивался в звуки, доносившиеся из коридора. В ушах звенело, по вискам, шее, затылку тек пот. Сердце лупило паровым молотом и грозило взорваться, как перегретый котел. Когда стало совсем душно и нечем дышать, осторожно выполз из-под одеяла и отвернулся к стенке.

После усиленного завтрака, полагающегося перед рейдом, получения боеприпасов и сухпаев Качака выстроил шестерых грачей на площадке перед бэтэром.

Инструктаж, в котором Жорик не услышал ничего нового, закончился быстро, «коммандос» заселил потрепанный, с испачканными в глине колесами, с примотанными на крыше веревками двумя зелеными ящиками БТР.

Жорик смотрел на закрывающиеся крышки бокового люка и прощался не то с базой, не то с жизнью. По дороге он все гадал, кого сольют первым, его или Рябу. Один раз зашелся хриплым кашлем, украдкой поглядывая на Качака в надежде на сочувствие, но потом вдруг осознал, что его болезненность может сыграть не в ту лузу. Вместо того чтобы пожалеть, звещающий-старпом решит поскорее его использовать, пока фрукт совсем не протух.

Натужно ревел дизель, скрипела по бортам оснастка, под скамьей что-то брнчало и перекачивалось, грачи тряслись и раскачивались в десантном отделении на жестких сиденьях. Дрындыр крутил баранку, Качака на командирском кресле таращился в смотровой люк.

В начале дороги грачи еще переговаривались, но со временем голоса стихли. В полумраке их суровые, хмурые лица как будто заостенели. В груди у Жорика бродили нехорошее предчувствие и обреченность. Такое с ним случалось каждый раз перед вылазкой.

Старпом дал команду Дрындыру притормозить и катить самым малым. Затем началась тряска. БТР кидало, словно при пятибалльном шторме. Изрытое рытвинами и воронками, поросшее бурьяном поле то и дело меняло им горизонт. Грачи вцепились в поручни, широко расставив ноги, давили пол. Бряцало оружие, стукались в подсумках боеприпасы, гремели в патронном мешке под башенным пулеметом гильзы, шланги мотались и стукались патрубками о броню.

А потом все прекратилось. БТР выкатился на ровную землю и остановился. Дрындыр с Качакой пристально всматривались в лес. Десант прилип к триплексам.

Сквозь мутную, запачканную по краям призму Жорик увидел не многое. Среди обычных деревьев виднелись абсолютно черные, голые, разлапистые скелеты то ли высоких яблонь-дикух, то ли груш. Земля под ними была усыпана желтыми листьями. Это одновременно было красиво и аномально, что настораживало и не позволяло отвести глаз. Судя по неподвижному, словно окаменелому лесу, снаружи царило абсолютное безветрие.

Грачи настороженно, с затаенным страхом смотрели на лес и молчали.

– Ну все, мясо! – зычный голос Качаки ударил по барабанным перепонкам. – Готовь жопы к променаду! Выходи строиться!

Последним, сгибаясь в три погибели, из тесного люка выбрался сам. В отличие от своих подчиненных разной степени нищетолюбия, Качака был снаряжен превосходно. Единственное, что осталось неприкрытым на его теле, так это чаноподобная голова. Вместо шлема ее закрывала камуфляжная бандана, отчего он походил на Арнольда, не хватало лишь мазни на роже. С почти шестикилограммовым РПК-74 он обращался легко, словно с фанерной копией.

– Так, – подал он голос, – первым топает Ряба, за ним Шварц, потом Гнутый, Пистон, Жорик, замыкает Соха. Я в свободном плавании.

После этих слов на сердце у Жорика несказанно полегчало, а Ряба боязливо заозирался: – Поцы, – говорил он заметно бледнеющими губами, – у кого есть детектор? Дайте, а.

Он искательно заглядывал в глаза грачам. Кто пожимал плечами, кто просто отворачивался и находил какое-нибудь важное дело.

– Иди, не ссы, – торопил его старпом, – если что, я тебе скажу. Гайки кидай.

– Я забыл, – Ряба вытер сопливый нос.

– Дайте ему... гаек, – злился Качака, зверея лицом.

Соха сыпанул в дрожащую ладонь горсть ржавых шестигранников.

– Да не трясись ты так, – цедил Качака сквозь зубы, – ничего с тобой не случится. Шлын-дай прямо и никуда не сворачивай, – рубанул рукой воздух, указывая направление в сторону леса.

Постепенно отряд растянулся в цепь и шаг в шаг шел за отмычкой. Временами попадались странные, черного цвета, словно угольные, деревья, полностью голые, а под ними лежали кругами ярко-желтые, почти огненные листья. Неизвестные провололочные кусты остро скребли и шуршали по одежде. Мертвый неподвижный лес как будто застыл в безвременье, храня под сенью сумрак и кошмары. Отряд шел, боязливо озираясь, даже не знающий страха старпом как-то приуныл. Атмосфера и пейзаж были непривычными, отчего пугающими. В полной тишине слышалось шуршанье под ногами палых листьев да редкое бряцанье оружия.

Качака шел немного позади и левее Рябы. Он первым увидел туман и остановился. Водяной густой пар валом катил из глубины леса, подобно лавине.

Секунду старпом таращился, разинув рот, затем передернул затвор на РПК и запустил длинную очередь в сторону мари. Он быстро понял, что все зря, заорал: – Шухер, валите к бэтару!!!

Туман стремительно приближался. Броском Качака поймал за шиворот пробегающего мимо Рябу и отшвырнул назад. Тот упал на спину, задрал ноги выше головы, крепко приложился затылком о землю. Затем суетно поднялся и на хлипких ногах, переставляя, как гнилые подпорки, побежал боком.

Огромный Качака быстро стал задыхаться. Он видел улепетывающих и все увеличивающих дистанцию грачей. Хотел крикнуть, чтобы гребаное мясо остановилось, подождало его, помогло, но не мог. Воздуха не то чтобы крикнуть, глубоко вдохнуть не хватало. Что-то вздулось в брюшине и давило на диафрагму.

Высокий визгливый крик, подобно холодной хирургической стали, вспорол омертвелую тишину леса. Взметнулся ввысь и запутался в ветвистых кронах, которые словно специально распушились, чтобы не выпустить ни единого звука, – что произошло в лесу, то там и останется.

Раздувая грудную клетку, пыхтя, как паровоз, Качака остановился и обернулся. Он увидел, как туман сгустился вокруг Рябы, стал плотным, белым, словно шерсть. Из него вылетали то нога, то рука, то голова парня и тут же накрывались белой шалью.

Крик смолк так же резко и неожиданно, как и возник. Послышался хлопок лопнувшей камеры, и больше из белого клубка не выныривало ничего.

Получив короткую передышку и оглушительный стимул, Качака бросился догонять личный состав. Теперь он боялся уже не тумана, который был занят и вроде бы отстал. Старпом думал, что БТР укатит без него. И едва не опоздал.

За то, чтобы подождать старпома, слышался лишь один слабый голос:

– А как же Кач? Нельзя так, давайте подо...

На полуслове голос прервался, зато остальные орали, гаркали, матерились, угрожали, приказывали Дрындыру жать на педали и уматывать подобру-поздорову.

Качака схватился за поднимающийся боковой люк и резко дернул вниз, без замаха треснул кулачищем по роже опешившему Шварцу. Тут взревел дизель.

– Стоять!!! – заорал старпом и сунул в салон пулемет. Все замерли на местах, только головы повернулись к люку. Качака хорошо рассмотрел каждого в отдельности, запомнил позу

и выражения физиономий. Все они облепили Дрындыра, лишь один Жорик с расквашенным носом валялся под скамьей.

– Отребье бесово, – прохрипел Качака сквозь свистящие потоки вдыхаемого воздуха. С большим трудом, продолжая отдуваться, он забрался в транспортер. Пока он это делал, грачи рассредоточились, и теперь можно было видеть развернувшегося на сиденье Дрындыра:

– Качака, – он мотал головой, – это они мен... я нет... Они сказали, что тебя и Рябу какая-то тварь сожрала. Я не собирался...

– Умолкни, – просипел старпом. Он привалился спиной к броне, с изможденным видом тяжело дышал. – Гнутый, закрой калитку и все... – он повысил голос, – задрайте все люки. Ты, Дрын, давай откати от леса. Жорик, дай пить.

Жорик суетно полез в рюкзак. Под руку попалась начатая бутылка, отпихнул ее, достал нераспечатанную, протянул вождю.

– Кто это тебя приложил? – спросил Качака, принимая воду.

– Так, никто. Я это... сам споткнулся.

Качака понимающе покачал головой, зверским взглядом окатил притихшую, поджавшую хвосты стаю, резким движением с хрустом свернул с горлышка крышку.

Напившись и немного переведя дух, сказал: – Дрын, тормози. Свяжись с базой. Дай мне Пирцента, остальным смотреть в оба.

Пока механик-водитель включал радиостанцию, закрепленную на месте стационарной Р-107М, крутил верньеры, щелкал переключателями, Качака подполз к командирскому сиденью.

– База, прием! Прием! Вызывает восьмый. Сёмый отзовись! Сёмый, сёмый, я восьмый! Прием! – прорывался сквозь помехи в эфир Дрындыр.

– Че раскудахтался? – послышалось трескучее в динамиках. – Че надо?

Качака, который подобрался ближе к мехводу, прислушивался к голосу в наушниках. Резким движением вырвал у Дрындыра микротелефонную гарнитуру, с головы содрал наушники:

– Падла конченная, грязь подноготная, сгною!!! – орал он в переговорное устройство, так широко разевая рот, что казалось, сейчас его проглотит. – Кто на связи?!! – Связь прервалась, в наушниках слышались лишь шум и потрескивание.

– Мляди, – скрежетал Качака, – вернись, всю связь натяну. База! Ответь, база! Твари, возьмите трубку, не то хуже будет! – Отпускал клавишу, прислушивался. Наконец сквозь треск и завывания база отозвалась:

– Седых слушает! Кто вызывает!

Открывший было рот на всю ивановскую старпом поперхнулся и уже с другим лицом заговорил сдавленно, придерживая воздух, набранный в легкие для громкой реплики.

– Товарищ майор, – докладывал он, постепенно сдуваясь, – вызывает восьмый, у нас проблема. Мы выдвинулись к месту высадки, углубились в лесополосу. Там подверглись нападению чего-то непонятного. Похожего на туман. Оно убило одного бойца. На пули не реагирует. Мы организованно отступили к транспортеру. Что делать? Возвращаться?

Качака через плечо посмотрел на притихших грачей, словно убеждался, не подслушивает ли кто, затем отвернулся, ответил:

– Восьмый – это я, Качака. Вы за... на бэтаре нас отправили?

Отпустил клавишу, прислушался, двигая глазами яблоками, высматривал что-то под башней.

– В ящиках? – спросил он, заметно бледнея. – Я не знаю, мне не докладывали.

И снова слушал. Слушал со всем вниманием. Затем вдавил клавишу:

– Так точно. Понял, пользовался.

И опять голос в наушниках владел его мыслями. Закончив переговоры, старпом отдал Дрындыру гарнитуру, зло зыркнул на грачей. Мясистое его лицо было красное и угловатое, словно слеплено из отдельных плохо ограненных частей:

– Кто ящики на бэтар грузил?

Никто не рискнул признаться. Качака матерно выругался и распорядился: – Шварц, Гнутый, биро метнулись наверх, сдернули ящики.

– А можно? – спросил боязливо Гнутый. – Имею в виду, – затараторил он, попав под прицел злых глаз, – эта тварь дымная нас не того?

– Пошли на хрен наружу, – зло зашипел Качака. При этом никто не усмотрел двусмысленности приказа. Сжимая кулаки, старпом неповоротливо, по-медвежьи полез в десантное отделение.

Толкая друг друга, Шварц с Гнутым выскочили из бэтэра. Пока снимали груз, Качака выгнал остальных.

В зеленых снаряжных ящиках оказались два огнемета ЛПО-50 с запасными пиропатронами и запасным блоком баллонов. Качака вытащил и поставил на землю соединенные в ряд железной трубкой три емкости, затем взял в руки винтовку-брендспойт на сошках, прикрутил к штекеру под прикладом толстый шланг, тянущийся от магистрали.

– Так, – начал он зычно, держа перед собой редкостное оружие, – это, – потряс винтовкой, – легкий пехотный огнемет. Работает от баллонов, в которых зажигательная смесь. Здесь, – он положил руку на приклад, – батарея. Здесь, – наклонился и положил руку на выступающую крышку баллона, – камера под пиропатрон. Когда нажимаешь на курок, – он поднял винтовку и повернул боком, показывая спусковой крючок, – замыкается цепь, после чего в баллоне воспламеняется патрон медленного горения. Он создает давление, смесь идет по шлангу к стволу. Там, – старпом пальцем указал на утолщение в конце брендспойта, – тоже пиропатрон, он воспламеняет смесь. Только сначала не забудьте снять с предохранителя вот здесь, – он показал флажок переключателя. – Когда стреляем, ждем на курок и держим пламя на цели, пока не закончится смесь. Это примерно две-три секунды. Понятно?

Слушатели закивали: «понятно», «да», – донеслось вяло.

– Вопросы? – Качака опустил винтовку и ждал.

– А остальные баллоны так же срабатывают? – спросил Пистон.

– Так же.

– То есть, только три выстрела?

– Только три, – отвечал старпом, – поэтому стреляем по очереди. У нас есть один запасной блок и пиропатроны. Пока второй прикрывает, первый перезаряжается. И не забываем снять с предохранителя.

– А против кого нам с ними воевать? – спросил Гнутый.

– Та хрень, – сообщил Качака, – что сожрала Рябу, боится огня. Майор сказал, что метод испытанный. Сказал, дымных тварей здесь одна, от силы две, и наших огнеметов, чтобы их отогнать, хватит вполне. Более того, чтобы вы не обосрались совсем, скажу следующее, мы меняем направление и идем в обход опасной зоны. Седой заверил, что у дымовухи определенная территория, дальше которой она не залетает. Секёти, вепри? Мы-ее-обой-дем, – произнес Качака по слогам, – а эти зажигалки, – он потряс винтовкой, – нам, вернее, вам, самоотверженным уйбуям, мля, нужны для удержания днища от пробоя. И впредь, – старпом повысил голос, обвел строй своим коронным зверским взглядом, – держите прямую кишку в узле. Еще раз драпанете, стрелять буду в спины. Все понятно?!

«Коммандос» стыдливо закивали.

Глава 8. Болото

Гриф ушел на следующий день. Рассвет едва брезжил, туман низко стелился над болотной гатью, тени под кустами и в кронах вились темными роями. Кругом стояла мертвая гнетущая тишина, лишь изредка что-то всплескивало, да эхом доносилась далекая канонада крупнокалиберных пулеметов.

Ушел тропой, что ему показал доктор, которой время от времени прогуливался, укрепляя сухожилия и мышцы. Обломанные ветки, поваленные стволы вместо мостков, содранная кора, примятые кочки служили ориентирами.

Сталкер обошел затаившуюся между косматыми кочками «карусель», пригнулся под «ржавыми волосами», облепившими сухую березу, проверяя жердью дорожку, двинул через болото на юг. Берцы тонули в губчатом мху, земля сочилась под подошвами черным соком. По упавшей осине Гриф перебрался на первый островок из цепи, тянувшейся и петляющей по гатям.

Концентрируя все внимание под ногами, выискивая метки, временами останавливаясь и выбирая направление, Гриф шел замысловатыми зигзагами тайной тропы. Сколько? Пять, шесть раз он ходил по ней?

На очередном островке, немногим больше прочих, утыканном гнилыми березами, поросшем манником и брусникой, сталкер решил передохнуть и ту же зашнуровать левый берц. Сшитый неаккуратно он сидел на ноге свободно и тек.

Гриф сидел на пне, низко склонившись, затягивал узел, когда из болота выполз гигантский слизень. Почти черный, он не отличался от жижи. И если бы не постоянно шевелящиеся глазные щупальца, можно было подумать, что сама донная грязь каким-то образом выкарабкалась на сушу. Брюхоногий моллюск двигался абсолютно бесшумно, мягко приминая мох, листья, ветки своим мясистым упругим телом. Усики-антенки на его голове вытянулись на всю длину и двигались так, словно человек, вдруг оказавшийся в абсолютно темной комнате, водит руками по сторонам в надежде нащупать стену. Чем ближе слизень подползал к пню, волнообразно сокращая мышцы брюшка, тем быстрее двигались «рожки». А когда щупальце невольно дотронулось до вещмешка, существо оживилось, в нем словно быстрее потекла кровь. Щупальца все чаще касались плотной брезентовой ткани. Огромное тело слизня выползло на островок и за спиной сталкера, занятого берцем, стало подниматься вертикально, словно вползало на невидимый стебель. В верхней, все удлиняющейся части мускулистого тела раздвинулись жесткие щетинки. На их месте стало образовываться отверстие с множеством рядов острых, плоских, как шипы розы, хитиновых пластин. Мутант наполовину поднял свое громоздкое тело, растянул пасть и рухнул, обвалился на сталкера. Сбил его на землю, придавил всей массой. Раздавленный трухлявый пенёк жмыхом лез из-под хищного моллюска.

Грифа припечатало к земле. Падая, он едва успел выпрямиться и теперь ощущал все нарастающую тяжесть. Слизень собирал свое тело на нем и расплывался блином, одновременно стараясь придавливать жертву, удерживать и поглощать.

Спереди и сбоку слизень не мог напасть, иначе был бы рассекречен, так что сталкер не считал везением, что острые ротовые пластины сейчас рвали и перетирали толстую брезентовую ткань рюкзака вместо его спины, а возможно, и головы. Гриф лежал придавленный к мшистой, пахнущей болотом земле, пытался и изо всех сил старался вывернуться из-под эластичного двухсоткилограммового мешка.

Щекой, ухом, височной частью он ощутил холодную шевелящуюся упругую плоть, покрытую слизью, и содрогнулся. Сухая ветка врезалась ему в скулу и больно через кожу давила на зубы. С каждой секундой все труднее становилось дышать. Сталкер осознавал гибельность своего положения и судорожно соображал, что предпринять.

Абакан остался у пня. Гриф снял его, перед тем как заняться берцем. Мысли метнулись к штык-ножу, но затем устремились к пистолету. Не потому, что он показался Грифу более эффективным в сложившейся ситуации (наоборот, здесь была работа именно для ножа), а потому, что до него была хоть какая-то возможность дотянуться.

Его продолжало плющить. Сталкер чувствовал, как дергаются, вздрагивают ремни на плечах, слышал, как трещит ткань, ощущал боль, расходившуюся от еще не зажившей раны на спине.

Рука с растопыренными пальцами тянулась под животом к пистолету. Рукав куртки закатался почти до середины предплечья и цеплялся за карманы на разгрузке. Расстояние было тьфу – сантиметров двадцать. Но как же стебельчатоглазая тварь была тяжела, припечатывала всем профилем – ни вдохнуть, ни выдохнуть. Что-то там за спиной происходило, что-то елозило и дергало за рюкзак. Ягодицы, бедра, голени обжало мышечным каркасом, словно сталкер оказался под гигантским шаром из толстой резины, в который залили тонну воды. Гриф кряхтел и трещал, как разламывающаяся изба. Пальцы кончиками коснулись пластика. Еще усилие. Ладонь обвила рукоятку. Гриф потянул пистолет.

Он стрелял из крайне неудобного положения – вывернул руку над плечом в опасной близости от лица, ствол под углом градусов в сорок пять уткнулся в шевелящуюся массу. Закрыв глаза, большим пальцем скинул флажок предохранителя и без мысли о последствиях нажал на спусковой крючок. Привычка держать оружие на взводе в очередной раз спасла ему жизнь. Метнув мысль в этом направлении, Гриф представить не мог, каким образом сейчас передергивал бы затворную раму (левая рука лежала невероятно далеко, сбоку вдоль тела), разве что зубами.

Громыхнуло оглушительно, а затем еще и еще. В руку садануло отдачей, в лицо брызнуло холодной слизью, ошметками и сгустками, нос забился едкими пороховыми газами. В голове от выстрелов звенело, как под колоколом.

Тварь задергалась в судорогах, поехала со сталкера влево, оставляя на нем густую пленку. Почувствовав слабость, Гриф полез вправо. Вытащил голову, правую руку. Холодная слизь, подобно железной лягушачьей икре, легла на щеку и ухо. Прорвав рукой омерзительную липкую субстанцию, сталкер жадно задышал, широко открывая рот. Он выбрался из-под содрогающейся, идущей комками и волнами массы по пояс, ощутил, что вещмешка за спиной нет. Опираясь на руки, вытащил себя остального, откатился, дернул ремешок, потянул штык-нож. Всего, с ног до головы, его покрывала омерзительная слизь. Липкая, она ограничивала его в движениях. Тянулась за руками перепонкой, дрожала и расплзалась.

– Тварь болотная. – От ярости Гриф скрежетал зубами. Острым лезвием с мстительным наслаждением полоснул мышечный студень. Краем глаза заметил движение слева. Повернулся и в ужасе отпрыгнул. Похожий мутант, только немного меньших размеров, поднимался над землей, готовясь обрушиться на добычу. – Черт! – взвыл сталкер. – Да их тут как грязи!

На небольшой островок размером с кухню его служебной квартиры, выползло два мутанта и продолжало лезть еще несколько. Их мокрые брюхоногие тела с шевелящимися «рожками» блестели от болотной воды и ползли к сталкеру.

Слизень обвалился всей своей массой, подминая кусты брусники и расплющиваясь на земле. От столкновения мясистое блестящее тело пошло волнами. Гриф перепрыгнул через него, лихорадочно вспоминая, с какой стороны тропинка, устремился к дальней части островка. Уворачиваясь, отпрыгивая от неповоротливых тварей, сталкер немилосердно обкладывал их трехэтажным, при случае колот и махал ножом. Они расплзались под лезвием, как вареные сардельки.

Прыгая с кочки на кочку, перебегая по брошенным стволам, шагая по колышущейся под ногами, сочащейся мутной болотной водичей жиже, Гриф удалялся от островка с сюрпризом. То, что ничего или почти ничего не осталось от рюкзака, понял, когда не почувствовал его веса.

«Может, хоть что-то? – Надежда не хотела умирать. – Может, в боковых карманах уцелели, компас, бинты, запасные батареи для фонаря, стропа, раскладной нож...»

Две лямки с широкими плечевыми накладками и драный лоскут задней стенки – все, что осталось от шмотника. «Твою дивизию», – Гриф еще секунду держал в руках лохмотья, прикидывая, как их с пользой употребить, затем отбросил.

Он шел с печалью об утрате, вспоминал новенький, недавно приобретенный у Гейгера примус, надежный, удобный кизляровский нож, комплект сухого белья, компас. «Жалко «Велеса». Хороший детектор, столько раз спасал, выводил из таких ... А консервы, фляга? Эх». Гриф мысленно махал рукой, убиваясь из-за потери всего и разом, и не видел, как за его спиной кто-то, волнуя плотный ковер из ряски, извиваясь, подплыл к остаткам рюкзака. Секунду-другую ничего не происходило, а затем лямки резко исчезли в омуте. Ряска сомкнулась над темной лункой, словно ничего и не было.

«А абакан, – Гриф стонал и мысленно рвал на голове волосы. – Зачем? Зачем я его снял?». Резко остановился, хлопнул по левому набедренному карману, почувствовал упругость сигаретной пачки, выдохнул с облегчением. «На месте». Шагнул дальше, злился на судьбинушку и искал, кого бы за это покарать.

«С чего это они полезли? Раньше ходил и нормуль, а тут на тебе. Знать, доктор дерьма подсыпал в шмотник. Приманку какую-нибудь. За ним не заржавеет. Хотя... Мог просто не вылечить». «Ничего подобного, – подозрительная и обвинительная весьма авторитетная его часть возмущалась, – просто руки не хотел марать. Думает, клятву или что там давал, долг я свой врачебный выполнил, а теперь вот щепотку соплей сушеных в кармашек, пусть зона рассудит. Не хочет он тебя из болот выпускать». «Какой руки марать, какой долг, – спорила адвокатская часть, создавая видимость состязательности, – на нем пробу ставить негде. А псина? – защита морщилась и отворачивалась. – Ты видел, какая у нее харя? Разве настоящий врач стал бы такую держать? Мясник ваш доктор, причем лютый. А хабар? За который ты, сталкер, кровь проливал. Заграбастал и глазом не повел. Шито-крыто, так, мол, я решил». В этот раз антагонизмы были на одной стороне. «Нет, конечно, респект, что заштопал и башмак заодно, но ты же дал ему арты, ценные арты. Мало ему...» «Цыц! – Гриф прекратил поношение. Он остановился на более-менее твердой кочке. – Самое время ревизию провести».

Сталкер точно помнил, что три магазина для ПМ укладывал в верхние карманы слева над кобурой. Проверял перед тем, как покинуть доктора, и они были на месте, но после стычки с мутантами надо убедиться.

«Супер», – все три обоймы на месте и фонарь тоже. Рука переместилась левее, к клипсам, туда, где хранились две эргэошки. Нет ни одной. «Ладно». По подсыхающей слизи, покрывающей плотную ткань жилета, пальцы скользнули к кобуре, проверили фиксирующий ремешок на рукоятки, затем спустились к поясу. Два отделения под гранаты к подствольнику были заполнены. «Теперь ни к чему». Дальше подверглись инспекции четыре кармана с правой стороны. «Чертова слизь, – мысленно ругался сталкер, ощупывая через ткань магазины. – 5,45 – ходовой патрон». Дозиметр на месте. «Хорошо». После быстрых манипуляций с кнопками ПДА подтвердил свою жизнеспособность. Пальцы коснулись узкого отделения на поясе с аптечкой и пузырьками. С потерей «крапивки» он смирился еще у доктора. По какой-то причине слабого наркотика в положенном месте не оказалось. Гриф не стал интересоваться его судьбой у спасителя и посчитал равноценным обменом на лечебные капли.

Позади что-то булькнуло. Гриф резко обернулся. Настороженным взглядом прошелся по болоту. Косматые кочки, обломанные гнилушки, скелеты березок, губчатые наросты на стволах, «ржавые волосы» в ветвях, вдалеке туманится зеленоватое облако «газировки» и тишина.

Гриф еще минуту тралил гиблое место, затем достал из кобуры ПМ, отщелкнул обойму, пересчитал патроны – два. Из кармашка достал целую, поменял местами. Еще раз осмотрелся и двинул дальше. Не сделал и трех шагов, как резко остановился: «А это что?». Гриф смотрел

и не понимал. Чтобы разглядеть лучше, вытянул шею и сдвинулся влево. «Нет, точно висит». Метрах в трех от него, на два часа, в воздухе висела ветка. Висела сама по себе, ничем не поддерживаемая. От такой близости к аномалии сталкеру стало нехорошо. Гриф забежал, запрыгал глазами в поисках подсказки или чего-то более существенного, чем ветка. Сначала поблизости, а затем все расширял круг обследования. «Одна». Не мог Гриф понять, что за ерунда перед ним. Подумал о бюроере, но поблизости нет ни одной живой души, да и трудно здесь где-либо находиться, если только, конечно, под водой. Сталкер опустил взгляд на ряску. Пузыри цепочкой поднялись под этой самой веточкой, разогнали зеленую крошку, и что-то там виделось в этой лунке. Вроде бы белое, кожистое. Не успел Гриф рассмотреть, лунка затянулась мелким листецом. «Балда, – ругал он себя, – трояк зеленый, твою душу мать, проморгал палочку. Манок это. Тронешь, и хана тебе, раззявистый». Сердце забилося гулко: «Близко-то как». В воздухе запахло горячим хлебом. Свежим, только что из печи. «Вот дела», – думал сталкер, обратившись в стацию, лишь глазами водил по сторонам. «Спрятаться негде, да и с тропы не сойти». А память слизняков подкидывает, напоминает во всех красках, как давил его мутант и шмотник рвал. Опасно на одном месте долго стоять.

Облизал Гриф сухие губы, медленно повернулся, скосил глаза назад, вроде чисто, но идти надо. Нельзя стоять. Хлебный аромат настойчиво лез в ноздри. Прямо видится, как хлеб румяный из формы на столешницу с хрустцом выпадает. Задышал Гриф ртом неполной грудью, подумал: «Вдруг заразное, надо бы побережться». Медленно, осторожно сделал шаг вперед, затем еще. Метрах в трех справа ряска колыхнулась, круги вязкие пошли. «Черт». Сталкер старался не делать лишних движений, плавно перекачивался на ногах.

Вминается берц в мох, словно в губку, а из-под него вода болотная темная сочится. Убирает ногу, и все по-прежнему, словно и не было сталкера. Жутко Грифу, не знает, как защититься: ни пистолет, ни нож здесь не помогут. Шаг за шагом крадется Гриф по жидкой тропке мимо веточки этой самой. С виду обычная сухая березовая, только вот никак не хочет с места двигаться. Висит себе и не шелохнется, словно из другой реальности. Ближе она стала, уже метрах в двух. Снова пузыри под ней ряску разогнали. «Вот кто хлебный запах выдыхает». Видит сталкер буквально в двадцати сантиметрах от поверхности воды белую кожистую, в волдырях голову, глаз большой и ноздрю – черную каплю, забился пузырь в уголку, серебристо поблескивает. Может, и была когда-то эта тварь жабой, только теперь лучше ее стороной обойти. «Главное, – думает Гриф, – чтобы не вынырнула она воздуха глотнуть. Увидит меня, тогда кранты». Медленно затянулась ряска, немного полегчало, дышит сталкер сквозь губы, озирается.

Шире тропка стала, островок недалеко горбится, березка на нем сломанная кроной в воду окунулась. Слушает Гриф, что кругом происходит, время от времени плавно вправо, влево головой водит, глазами по сторонам шныряет. Что-то нехорошее там под ряской извивается, ощущение, как будто его ищет. Змейка какая-то, суется, то в одну сторону проплывет, волнушку пустит, то в другую и к сталкеру все ближе, а вместе с тем и к веточке.

Ступил Гриф на островок, вдруг слышит позади всплеск, развернулся, присел, во все глаза смотрит. Мелькнуло что-то белое, ушло под воду, только брызги в сторону. Быстро ряска сходится с краев к центру. Глядит сталкер: ни веточки, ни змейки, все снова замерло, затянулось.

Развернулся он и быстрым шагом по вешкам да по кочкам из болота жуткого ходу. Под конец заблудился. До поля только раз доктор водил. Вертел Гриф головой и не видел ни зарубок, ни веток сломанных, ни бревна опрокинутого, подошвами обтертого. Обернулся он, глянул на мертвое болото – мороз по спине пошел.

Ничего не поделаешь, пришлось возвращаться к тому самому островку с белой жабой, затем взять правее, на бледную осину с невнятной засечкой.

Глава 9. Отряд мельчает

Аномалий не попадалось, осмелевшие грачи все увереннее и свободнее шагали по дикой земле. После гибели Рябы, вопреки ожиданиям, отмычкой Качака назначил не Жорика, а Шварца, который громче всех орал на Дрындыра в постыдном моменте и требовал немедленно «херачить на базу».

Один из огнеметов достался следующему за ним Пистону. Второй ЛПО Качака повесил на себя. Запасной ранец с баллонами и пиропатроны тащил Жорик. Черные деревья с желтой периной не попадались, как и проволочные кусты. Их вытеснил смешанный осенний лес со слипшейся гниющей подстилкой, частично обнаженный, с рыжими подтеками на стволах, с валежником, с торчащими, словно ребра, сухими ветками. Никакой живности на глаза не попадалось. Кругом было тихо и оцепенело.

Грачи без проблем прошагали несколько километров, и у них стала возникать мысль: «На кой черт тащим эти железяки?»

Запищало сразу у троих. Отряд остановился как по команде. Невесть откуда взявшийся у Шварца в руках «отклик» определял направление и характер аномалии. Качака водил своим «Велесом» из стороны в сторону и занимался тем же. Жорик обернулся на писк позади себя. Гнутый сунул руку в карман – звук пропал. Лицо при этом у него было непричастным, отстраненный взгляд блуждал по зарослям. Жорику вспомнилось перепуганное лицо Рябы, его слова: «Поцы, у кого есть детектор? Дайте, а».

Небольшая «мясорубка» притаилась под замшелым кустом можжевельника. Ее не стали обкидывать гайками, обошли большим кругом слева.

Неприятности начались, когда лес сгустился, стало больше попадаться лиственных деревьев и кустарника. Грачи продирались сквозь заросли орешника, неожиданно раздался жуткий вопль. Жорик резко оглянулся и никого не увидел. Он шел предпоследним и точно помнил, что за ним был Гнутый. Справа в зарослях снова послышался раздражающий уши крик, за ним треск и автоматная очередь. Спереди загаркали, заорали, через секунду рядом с Жориком возник Соха: «Где?! Где Гнутый?!». С выпрыгивающими из орбит глазами Жорик шлагбаумом поднял руку и указал на кусты, из которых донесся вопль. Выставив перед собой АКСУ, Соха кинулся в ту сторону. Приближался раскатистый крик Качаки, а с ним и треск, словно падали деревья: «Кто?! Где?!»

«Совсем не сталкеры», – промелькнуло в голове у Жорика, успевшего, несколько недель потаскаться с Чапой. Гроыхнуло еще несколько раз, а потом выстрелы стихли. Жорик слышал надрывные резкие голоса. Он раздвинул ветки, вышел на небольшой пятак рядом со старой елью.

Вокруг сидящего на земле с вытянутыми ногами и подвывающего сквозь сжатые зубы Гнутого толпились грачи. Соха колотил ему в ногу шприц-тюбик, Пистон заливал его голову зеленкой. Огнемет валялся на земле рядом. Вдруг рот Гнутого раскрылся, и из него вылетел громкий, просто оглушительный вопль, громче того, с которого вся свистопляска и началась. Зашуршали кусты, на поляну выскочил запыхавшийся, с горящими глазами Шварц. В руках он сжимал автомат и носился бешеными глазами по всему, что его окружало.

Жорик приблизился к Гнутому. Все его лицо заливала кровь. С головы, на которой не хватало части скальпа, ручейками стекала кровь вперемешку с зеленкой. Сбегала по лбу, скулам, по коже, которая свисала на щеках лохмотьями и была порезана на тонкие полоски, словно аккуратно распущенная острыми бритвами. С подбородка на штаны лилась темно-зеленая жидкость. Гнутый скреб землю скрюченными пальцами, дергал ногами и орал.

Послышался негромкий удивленный присвист. Жорик повернул голову. Метрах в трех от толпы, не обращая внимания на крики, стоял Качака и смотрел себе под ноги. Жорик подо-

шел и встал рядом. На земле распласталось нечто невообразимое: тощее существо с выпирающим крестцом, с проступающими гребенкой ребрами, с подтянутым к позвоночнику брюхом, с длинными суставчатыми ногами, с бурой сухой, лезущей клоками лишайной шерстью, с шелушащейся кожей на затылке по хребту, с длинной шеей, с головой то ли большой собаки, то ли теленка, с сильно выпирающими скулами и передними зубами, с большой пастью, из которой свисал окровавленный лоскут кожи с волосами. Изрешеченное пулями, оно лежало неподвижно, и лишь задняя нога мелко подергивалась.

– Мама дорогая, – прошептал Жорик, разглядывая мутанта и поражаясь его формами. – Это ж где таких делают?

Качака повернул голову, некоторое время молча смотрел на парня, затем изрек: «Неправильно ставишь вопрос, Жора. Всех делают тут, на фабрике шмотомыса под названием «Зона». Вот из кого именно? Над этим стоит подумать».

Вопли постепенно стихли и перетекли в непрекращающиеся стенания. Стоя на коленях, Пистон бинтовал голову Гнутому. Открытыми оставались только глаза и рот. В некоторых местах бинт пропитался и сочился кровью. В «технологических отверстиях» марля топорщилась бахромой.

Закончив бинтовать, Пистон со Шварцем аккуратно подтащили Гнутого к ели и прислонили к дереву спиной. Под действием двойной дозы опиоидного обезболивающего веки раненого моргали все чаще и оставались закрытыми все дольше. Гнутый перестал стонать, дыхание успокоилось, грудная клетка вздымалась и опадала равномерно. Он опустил голову на грудь, со стороны могло показаться, что заснул.

Соха подошел к Качаке, вполголоса спросил: «Как с Гнутым поступим? Может, к бэтару с этим отправим?» – кивнул на Жорика. Качака взглянул на Соху, затем на Жорика, приподнял бровь, сказал: «Ща решу». Затем громко скомандовал: «Привал! Полчаса!». Соха остался со старпомом что-то обсуждать, а Жорик примкнул к остальным.

Грачи отодвинулись от раненого, чтобы не мешать разговорами и в десяти метрах на гнилом пне расстелили полотенце. Разговоров только и было, что о Гнутом и о мутанте. После перекуса все окружили невиданную тварь, придирчиво ее осматривали. Пистон ножом разжал длинные челюсти, в которых оказалось много тонких, острых как бритва зубов. Затем наступил на голову и выковырял из пасти окровавленный волосатый лоскут кожи, отбросил в сторону. Между страшных челюстей с синюшно-зелеными, словно протухшими деснами, покрытыми язвами и черными узлами, виднелся синий с прожилками длинный язык.

– Етишь твое налево, – Пистон отдернул руку с ножом, убрал ногу и отступил, впрочем, как и остальные.

Поглядывая на притихшего Гнутого, Шварц прошептал, что мутант, очень вероятно, заразен и бедолага долго не протянет. Если его немедленно не доставить на базу, ему хана.

Потягивая сигарету, щурясь ухарски, Соха веско высказался, что такую мерзость могли произвести на свет только яйцеголовые в лабораториях типа той, что на «Салюте».

Пистон предположил, что территории эти неизведанные и, возможно, какие-то вещества после выброса выпали пеплом или пролились дождем только на этих землях, вследствие чего появились мутанты, не встречающиеся в других местах. В пример привел туман и черные деревья с опавшими неестественно желтыми листьями, которые к тому же еще и не гниют. Протолкнул мысль, что, очень вероятно, скоро они повстречают кого-то еще, и дай-то бог, оно окажется не такой «сранью», как эта «лама».

Качака ел в стороне от подчиненных, подолгу пережевывал большие куски и таращился куда-то в землю. Один раз повернул свою большую голову и долгим взглядом посмотрел на Гнутого.

Если взять весь опыт жития в коммуне и окинуть широким взглядом действия и характер старпома, размышлял Жорик, то тот сейчас решал дилемму: убить Гнута немедленно либо оставить под елью.

Сытые грачи курили и разглагольствовали, не особо опасаясь притихшего леса. Все как-то сразу позабыли о недавнем инциденте, может, потому что так легко справились с мутантом, даже не они, а сам Гнутый.

Качака подозвал к себе Шварца и предложил сигарету. Хотя бывший свободовец только что отбросил испепеленный окурок, от угощения не отказался. Он отстраненно подносил к губам сигарету, затягивался, пускал дым и слушал внимательнейшим образом. Старпом склонился к нему и рассказывал что-то очень важное, помогая себе лапищами. В какой-то момент он замолчал, выпрямился и внимательно посмотрел на Шварца. Тот некоторое время молчал в тягостном раздумье, затем обернулся, посмотрел на прислоненного к стволу Гнута. Снова обернулся к старпому, сказал что-то краткое, буквально два слова, встал и отвалил.

Шварц подошел к остальным грачам, храня молчание, стал собирать шмотник. Пистон спросил: – Что Кач сказал?

Шварц ответил не сразу, еще с полминуты трамбовал барахлишко:

– Сказал, чтобы я его до бэтэра довел и на базу сопроводил.

– Везет же некоторым, – с нескрываемой завистью произнес любитель лысых женщин. – Ты только это, Шварц, заранее оттелеграфируй кто Гнута куснул. Пусть меры примут. А то возвращаться будет некуда.

– Оттелеграфирую, – буркнул вовсе не похожий на везунчика Шварц.

– Жопы в горсть! – разнесся над полянкой зычный голос старпома.

Грачи принялись собираться и обвешиваться.

– А меня! Со мной что?! – вдруг жалобно заныл вроде бы уснувший Гнутый. – Кач, ты меня бросаешь? Бросаешь, падла?! Да знаешь кто ты после этого? Ты...

– Завали хлебало, – с неприязнью сказал Качака, – никто тебя, говна кусок, не бросает. Со Шварцем к бэтэру идешь, потом на базу. А вернусь, за падлу ответишь, ублюдок.

Заметно поредевший отряд удалялся размеренным неспешным шагом от полянки, на которой трагедии еще не закончились. Оставшийся с раненым Шварц вытаскивал из бокового кармана рюкзака аптечку. Время от времени оборачивался на удаляющуюся, теряющуюся за ветвями и листьями вооруженных людей.

После инцидента с мутантом Качака стал осторожнее. Сбавил темп, часто останавливался, прислушивался, то и дело сверялся с ПДА, словно вот-вот придут на место. Не отошли и километра, как он объявил перекур. Вертелся на месте с ПДА и негромко поругивался:

– Да что за фигня. И тут... Ничего не пойму, – потом громко спросил: – Пистон, у тебя с ПДА все в порядке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.